

Глава XIV.

Религія.

Бушидо-моральные принципы въ Японіи.

Профессора Инао Нитобе.

Прямой и узкій жизненный путь, указанный Христомъ своимъ послѣдователямъ, отмѣчаетъ то направленіе, котораго слѣдовало бы держаться каждому изъ насъ. Но теперь, когда мы стремимся опредѣлить моральную систему цѣлаго народа или рассы, этотъ узкій путь превращается въ необозримую равнину, тянущуюся, очевидно, изъ тусклаго дневного свѣта далеко впередъ къ зеленымъ прекраснымъ холмамъ, ограничивающимъ долины до широкихъ нивъ; въ одномъ мѣстѣ на нее падаетъ тѣнь дѣвственнаго лѣса, въ другомъ—она украшена красивыми садами и цвѣтами; кое гдѣ она прерывается запутанными дорогами различныхъ размѣровъ, расходящимися въ разныя стороны. Съ какимъ смущеніемъ стоишь передъ этой картиной! Какъ часто отчаиваешься при невозможности понять чуждые намъ образы мыслей, мораль, религію и восклицаешь: „этотъ народъ не имѣетъ моральныхъ понятій“, „расса обременена суевѣріемъ“, и при этомъ благодаришь свою звѣзду, что она лучше, чѣмъ звѣзда сосѣда! Но фарисейство исчезаетъ передъ величіемъ сердечныхъ симпатій и лучшаго уразумѣнія. Тамъ, гдѣ передъ нами всегда былъ хаосъ, нашъ взоръ видитъ теперь слѣды порядка.

„Этотъ путь ведетъ къ вершинѣ горы; только стоящій на ней сомнѣвается—дѣйствительно ли это истинный путь? А такъ какъ его взоръ обнимаетъ его изъ пустыни, то передъ нимъ тянется линія отъ долины до вершины. Не рискуй, если ты смущенъ. Что значитъ пустое мѣсто или даже два? Замѣчаешь ли ты непрерывную пустыню обѣихъ равнинъ? И затѣмъ, по новѣйшей философіи—эти пустыя мѣста тебѣ сами покажутъ: что они—эти наисовершеннѣйшія изъ человѣческихъ открытій—обостряютъ вопросъ: что есть вѣра?“

Многимъ другимъ, кромѣ Броунинга, приходило въ голову то же самое, и только человѣку, совершенно не думающему, закрыть путь, который ведетъ черезъ кажущуюся пустыню. Общее впечатлѣніе иностранныхъ туристовъ таково, что въ японской жизни не хватаетъ нравственныхъ понятій, какъ ея цвѣтамъ—запахъ; печальное признаніе моральной и интеллектуальной упругости самихъ туристовъ! Кто сумѣетъ связать запахъ съ розой или мораль съ условнымъ христіанствомъ, тотъ, конечно, будетъ разочарованъ отсутствіемъ того и дру-

того въ Японіи; но это еще не значитъ, что цвѣты „уми“ не имѣютъ запаха, или что рыцарство не учить насъ, какъ жить. Причинъ того, что дѣловой Западъ не знаетъ многого о далекомъ Востока, слишкомъ много; особенно если дѣло касается вещей, которыхъ нельзя имѣть ни за деньги, ни откупить совѣмъ, и мы не помѣстили во флаконахъ запаха цвѣтка уми и рецептъ рыцарства не написали на листѣ въ форматѣ двѣнадцатой доли листа съ золотымъ обрѣзомъ, какимъ бываютъ снабжены методисты или епископальное духовенство. Даже европейское рыцарство, какъ я вижу, представляется обыкновенному англійскому читателю чѣмъ-то непонятнымъ. Одинъ изъ новѣйшихъ писателей (Cornish F. Warre: „Рыцарство“, стр. 10) говоритъ о немъ слѣдующее: „понятія о чувствахъ и поведеніи чужды современной жизни еще больше тѣхъ, которые были въ основѣ жизни у грековъ и римлянъ“. Насколько труднѣе европейцамъ составить себѣ представленіе о нашемъ мужествѣ! Но болѣе близкое знакомство сейчасъ же обнаруживаетъ, что джентльменъ вездѣ считается джентльменомъ, что типъ его всюду одинаковъ и ни въ какую сторону не уклоняется. Читайте хронику Фруассара или „Waverly Novels“ и вы несомнѣнно найдете много общаго у героевъ. Снимите съ нихъ доспѣхи, отнимите у нихъ ихъ жеманныя манеры, ихъ своеобразныя церемоніи и взгляните въ нихъ глубже, пока они, какъ говоритъ Карлейль, сдѣлаются прозрачными, и на днѣ души ихъ вы увидите современнаго „джентльмена“.

Сдѣлайте то же самое съ какимъ нибудь самураемъ (японскій рыцарь) и вамъ будетъ легко понять наше рыцарство и наши нравственные понятія.

Говорятъ, что рыцарство отошло въ область прошлаго. Да, какъ орденъ, оно исчезло, но исчезновеніе его слѣдовало бы отмѣтить съ грустью, такъ какъ съ нимъ исчезли бы многія добродѣтели, характеризующія рыцарство. Къ счастью для насъ, онѣ живутъ еще какъ безплотные духи, хотя и съ отпечаткомъ современныхъ, но, по существу, не измѣнившихся. Міръ сильно обогатился наслѣдіемъ рыцарства и какъ справедливы слѣдующія слова Галлама:

„Есть три могущественныхъ духа, появляющіеся отъ времени до времени на поверхности воды и пробуждающіе человѣческую энергію и нравственные чувства: духъ свободы, религіи и чести“.

Если законъ наслѣдственности устанавливаетъ, что какой нибудь родъ соединяетъ въ себѣ и представляетъ собою все то, что ему предшествовало, то можно сдѣлать логическій выводъ, что въ Англіи, какъ показываютъ факты, еще остались слѣды феодализма и точно также слѣды современныхъ рыцарскихъ чувствъ. Насколько это оказывается еще болѣе вѣрнымъ въ Японіи, гдѣ феодальная система отошла въ прошедшее только тридцать лѣтъ назадъ. Фактически рыцарство и теперь считается у насъ могущественной, нравственной силой. Оно пережило гибель всей феодальной системы, и какъ оно ни испорчено и ни исковеркано, его моральная власть внѣ всякаго сомнѣнія. Мы живемъ въ его власти, и въ немъ черпаемъ наши жизненные условія.

Убѣжденіе въ томъ, что Японія окончательно порвала всякую связь съ прошедшимъ, только отчасти вѣрно, именно въ отношеніи ея законодательства и политики, но совершенно не подтверждается въ отношеніи ея нравственныхъ идей. Мы работали плугомъ, изготовлен-

нымъ въ Германіи или—смотря по обстоятельствамъ—въ Америкѣ и, хотя мы отъ этого не отстранялись, но руководящая нами сила была тѣмъ, что называютъ устарѣлыми рыцарскими понятіями, и я осмѣливаюсь утверждать, что въ бороздахъ, сдѣланныхъ плугомъ, имѣется отпечатокъ этой руководящей силы.

Позвольте мнѣ здѣсь констатировать, что, какъ бы ни обвиняли нашъ народъ въ отсутствіи нравственныхъ понятій, такое же обвиненіе можно предъявить ко всякой странѣ, не исключая Англіи. Это мнѣніе распространяется путешественниками, а такъ какъ извѣстно, что иностранцу прежде всего бросается въ глаза самыя худшія и слабыя стороны жизни, такъ какъ онъ видитъ главнымъ образомъ кафе, театры и т. д., но не семью или храмъ; поэтому мы далеки отъ того, чтобы насъ вправѣ были назвать безнравственными.

Если бы я желалъ выразить смыслъ этическихъ идей Японіи, то я долженъ былъ бы,—какъ я это до сихъ поръ дѣлалъ,—дать имъ опредѣленіе рыцарскихъ,—опредѣленіе больше всего подходящее къ тому, что мы называемъ словомъ Бушидо. Буквальный смыслъ слова Бушидо значить „Воинственный духъ рыцарства“, мы толкуемъ его, какъ ученіе о рыцарскомъ поведеніи, или какъ предписанія рыцарской чести, или, можетъ быть, какъ законы чести. Нѣкоторые предпочитаютъ только одно слово шидо, выпуская слогъ бу (воинственный), давая ему еще болѣе широкій смыслъ. Однако, какое бы опредѣленіе ему ни было дано, сущность его не мѣняется, такъ какъ по смыслу его джентльменъ и воинъ—одно и то же. Воины въ мирное время были джентльменами, а джентльмены—воинами, когда ихъ къ этому принуждало военное время. Такъ какъ слово шидо заключаетъ въ себѣ одновременно прибыль и ущербъ того, что въ логикѣ называется *definiendo latior*, то опредѣленіе Бушидо болѣе подходящее, уже потому, что оно въ большемъ употребленіи. Такъ какъ Бушидо сдѣлалось *noblesse oblige* класса самураевъ и такъ какъ это слово получило недавно право гражданства въ англійскомъ языкѣ, то мы должны сдѣлать еще одинъ шагъ и принять въ составъ слова самурайзмъ, обозначающее то, о чемъ мы споримъ. Хотя рыцарство остается самымъ подходящимъ словомъ, опредѣляющимъ Бушидо, все же слѣдуетъ придерживаться оригинала, такъ какъ оба эти понятія не вполне соответствуютъ другъ другу. Такъ, напр., Бушидо не представляло собой ордена, какъ это было съ рыцарствомъ и поэтому послѣднее означаетъ больше, все таки Бушидо всегда являлось нравственнымъ закономъ, чего нельзя сказать о рыцарствѣ и поэтому оно имѣло болѣе широкое значеніе. Еще болѣе того, если это выраженіе риторически фальшиво, то за то оно не нарушаетъ благозвучія и носитъ на себѣ отпечатокъ общаго происхожденія и характера.

Сообразно своему названію, мораль Бушидо опиралась на мужество и доблесть. Какъ древніе римляне не дѣлали никакой разницы между мужествомъ и мудростью, такъ и Бушидо было прославленіемъ сильнаго мужества и другихъ челоѣческихъ добродѣтелей, не исключаяющихъ болѣе нѣжныхъ чувствъ нашей природы.

Это ученіе не исповѣдуетъ высшаго откровенія и не имѣетъ основателя. Высшая сущность его заключается во внутреннемъ чувствѣ боязни всего неправаго и въ чувствѣ чести и сознаніи необходимости поступать правдиво. Оно не приводитъ философскихъ доказательствъ для этой вѣры, но причисляетъ себя къ ученію Канта, которое считаетъ моральный законъ гласомъ Божіимъ.

Говоря о бушидо, какъ о сводѣ законовъ, я беру это опредѣленіе въ непослѣдовательной связи. Самураизмъ никогда не былъ кодифицированъ или, если и были попытки сдѣлать это, дѣйствіе этихъ правилъ не было основано на систематическомъ ученіи. Это ученіе никогда не было помѣщено въ учебникахъ и не нашло себѣ мѣста въ фамилльныхъ библіотекахъ. Вліяніе бушидо было больше книгъ и философскихъ ученій; оно коренилось глубоко въ сердцахъ народа; тутъ требовались не слова, а дѣйствія; задолго до того, какъ объ этомъ ученіи начали писать, оно стало обычаемъ, какъ заповѣдь чести среди самураевъ.

Вначалѣ получается впечатлѣніе, что это эклектическая система этики, происхожденіе которой надо искать въ китайскихъ источникахъ, такъ какъ употребляемые опредѣленія совершенно тѣ же, что у Конфуція. Бушидо позаимствовало свои выраженія, главнымъ образомъ, у китайскихъ классиковъ—Конфуція и Менція; но даже эти мудрецы, говоря откровенно, гораздо больше обогащали сокровищницу родного языка, чѣмъ распространяли или вдохновляли нравственные чувства; поэтому говоря о глубокомъ и широкомъ вліяніи этого китайскаго ученія, мы должны имѣть въ виду, что его цѣнныя заслуги заключаются въ пробужденіи нашего собственнаго, врожденнаго этического сознанія.

Всѣмъ этимъ мы обязаны Китаю. Есть еще одинъ источникъ, изъ котораго много черпало бушидо, — это буддизмъ. Благотворное вліяніе этого свѣта Азіи, озарившаго нашу цивилизацію, заключалось въ введеніи метафизическаго элемента, благодаря которому мы отчасти научились разрѣшать тайны нашей духовной природы, научились узнавать хорошее и дурное, разбираться въ вопросахъ жизни и смерти, т. е. въ понятіяхъ, которыми, практической умъ нашихъ воиновъ мало интересовался, но на которыя всякій нормальный человѣкъ отъ времени до времени, особенно когда онъ бываетъ въ созерцательномъ настроеніи, обращаетъ свой взоръ. Можно сказать, что эта аріійская религія приводитъ нашъ умъ больше къ созерцанію, между тѣмъ какъ шинтоизмъ, несмотря на его поклоненіе природѣ, заставляетъ насъ больше размышлять. Такимъ образомъ, что мы особенно выиграли въ моральномъ отношеніи отъ буддизма, это методъ созерцанія, — *modus operandi* духовной зрѣлости, но не его философію или его догматы.

Такимъ образомъ, всякое несогласіе въ направленіи мыслей способствовало усиленію нашихъ этическихъ чувствъ, не вліяя все же на ихъ направленіе и ихъ истинное значеніе. Бушидо содержитъ въ себѣ сущность моральныхъ инстинктовъ японской расы и, какъ таковое, перешло въ нашу плоть и кровь; и поэтому оно находится въ единеніи съ нашей религіей—шинтоизмомъ. Я увѣренъ въ томъ, что шинтоистскій культъ природы и предковъ положилъ основаніе ученію бушидо, и то, что мы позаимствовали изъ китайской и индусской философіи — былъ цвѣтъ или даже не цвѣтокъ, а плодъ дерева расы ямато, который расцвѣлъ въ видѣ рыцарскихъ дѣяній и добродѣтелей.

Моральное содержаніе ученія шинтоизма, какъ мнѣ кажется, заключается въ слѣдующемъ: „познай самого себя. Взгляни въ глубь своей души. Познай свое сердце, въ которомъ живетъ божество, указывающее тебѣ и повелѣвающее тобою. Слушайся его велѣній, и ты не будешь нуждаться въ другомъ божествѣ. Познай, откуда ты произошелъ — т. е. отъ твоихъ родителей, а тѣ отъ своихъ, такъ отъ поколѣнія къ поколѣнію. Ты обязанъ своей жизнью своимъ

предкамъ, которымъ ты, хотя они и незримы, долженъ быть вѣчно благодаренъ. Помни также, гдѣ ты находишься: ты находишься въ благоустроенномъ государствѣ, охраняющемъ тебя, твое благополучіе, твою безопасность. Только въ такомъ государствѣ твоя мать могла дать тебѣ жизнь и выкормить тебя; только въ такомъ государствѣ могутъ расти твои дѣти; поэтому не забывай своего повелителя—государя, отъ котораго исходятъ миръ, законы и порядокъ“. — Этими простыми словами шинтоизмъ внушаетъ нашей совѣсти нравственную отвѣтственность, любовь къ родителямъ и прародителямъ, преданность своему государю. Эти троякія обязанности, относящіяся къ людямъ, семьѣ и къ ближнему, могутъ считаться первыми нравственными понятіями, отъ практическаго примѣненія которыхъ разовьется еще много другихъ понятій, какъ естественныя послѣдствія.

Изложивъ и общія черты ученія бушидо, я перейду къ подробному изложенію его предписаній.

Я начну съ тѣхъ, которыя говорятъ о собственномъ „я“. Наша личность считается цѣннымъ наслѣдіемъ нашихъ предковъ, какъ цѣнное хранилище, въ которомъ находится божественное нѣчто, посвященное служенію Богу, родителямъ или замѣняющимъ ихъ, т. е. развитію того, что В. Ридде, авторъ книги „Мученичество людей“ называетъ добродѣтельною почитаніемъ. Наше тѣло—это орудіе, предназначенное для болѣе важныхъ цѣлей, чѣмъ цѣли собственника его. Оно считается отданной намъ временно избранной оболочкой нашего духа. Гигіеническіе законы соблюдаются нами не потому, что вліяніе ихъ благотворно, а скорѣе потому, что наше здоровье было источникомъ радости для нашихъ родителей, и потому что оно нужно для служенія нашему государю. Существуетъ общепринятый обычай, по которому всякій умирающій молодымъ, вслѣдствіе болѣзни, или кончающій свою жизнь самоубійствомъ, проситъ прощенія у своихъ родителей за свою раннюю смерть въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „простите меня, что я отъ васъ ухожу; я жалѣю, милый отецъ мой и милая мать моя, что покидаю васъ теперь, когда вы приближаетесь къ старости. Въ ваши годы вы будете чувствовать мое отсутствіе; я могъ бы вознаградить васъ за все то, что вы для меня сдѣлали. Но я долженъ уйти—такова воля Неба“.

Если христіанство учитъ европейцевъ быть хранителями своего благополучія, то бушидо учитъ насъ быть хранителями своего здоровья; если христіанство называетъ тѣло храмомъ Святого Духа, то бушидо исходитъ изъ того, что въ нашей земной оболочкѣ живетъ божество. Этимъ я не хочу сказать, что бушидо деистично; еще меньше я могу утверждать, что оно исповѣдуетъ монотеизмъ. Ученіе это было слишкомъ честное и слишкомъ практичное для проведенія теологической системы. Одинъ новый писатель говоритъ: „человѣкъ бросаетъ большую тѣнь отъ себя и называетъ ее Богомъ“. Сила и слабость бушидо заключались въ томъ, что его ученіе не содержало въ себѣ догматической вѣры. Его послѣдователи довольствовались тѣмъ, что ихъ сознаніе было заполнено извѣстнымъ содержаніемъ; разъясненію мистерій они не придавали значенія, такъ какъ они всегда были заняты увѣщаніями, навлекали позоръ на непокорныхъ, осылая ихъ упреками, и могли искупить свою вину только молчаливой покорностью. Такъ какъ писанныхъ наставленій не было, то Рен-хи-шіу (сознаніе стыда) было высшимъ и послѣднимъ прибѣжищемъ. Человѣкъ, не обла-

дающій чувствомъ чести, терялъ свое право на гуманное къ нему отношеніе и обращеніе съ нимъ.

Бушидо, выясняя въ человѣкѣ божественное, не пропускаетъ и животной стороны его существа. Одинъ изъ нашихъ поэтовъ мѣтко сказалъ: „если люди заговариваютъ о зломъ человѣкѣ, то засмѣйся имъ въ лицо и спроси: что,—если бы вы спросили свое собственное сердце“. Мнѣ нечего прибавлять, что двойственность человѣческой природы не заключаетъ въ себѣ, неизбежно, противорѣчія. Изъ паулинскаго ученія, по закону котораго не нужно скрывать грѣховъ, слѣдуетъ, что чѣмъ крѣпче и настойчивѣе законъ, тѣмъ очевиднѣе грѣхъ. Чѣмъ чище человѣческая совѣсть, тѣмъ утонченнѣе его чувство чести, и онъ не только не позволитъ себѣ подумать или сдѣлать что нибудь нечистое, но отъ его взгляда не ускользнетъ ни малѣйшій проступокъ, котораго другіе и не замѣтили бы; поэтому первый долгъ самурая, гордо называющаго себя прототипомъ расы, умѣть сдерживать себя самого. Одинъ изъ храбрѣйшихъ воиновъ одиннадцатаго вѣка оставилъ послѣ себя четверостишіе, приблизительно переводъ котораго слѣдующій:

„Прежде всего заставь быть сдержаннымъ свое собственное я, затѣмъ своихъ друзей и, наконецъ, своихъ враговъ. Это три побѣды, тѣсно связанныя между собою; онѣ дадутъ блескъ имени побѣдителя“.

Самообладаніе, равномерность темперамента при часто трудныхъ обстоятельствахъ во время войны и мира, благоразуміе и присутствіе духа при внезапныхъ опасностяхъ, сила духа во времена неприятностей и колебаній удачи,—считалась одними изъ первыхъ обязанностей людей дѣла; даже юношеству это прививалось чисто спартанскимъ способомъ.

Парадоксальность этого строгаго самовоспитанія, при непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ, все же показывала одну сторону самоотреченія. Высшей похвалою было опредѣленіе: „человѣкъ безъ собственнаго я“. Кто стремился къ полному уничтоженію собственной личности, тотъ считался существомъ высшаго разряда. Истинный долгъ человѣка, по нашему мнѣнію, заключается не въ своемъ собственномъ спасеніи. У него нѣтъ видовъ на „награду неба“, если онъ то-то сдѣлаетъ, а другого не сдѣлаетъ. Голосъ совѣсти: „ты хорошій и честный служитель“—наша единственная и высшая награда. Отсутствіе себялюбія, о которомъ не устаютъ говорить Парсифаль Лоуэлъ, характерно для души и ума Дальняго Востока и его, отчасти, можно объяснить благородствомъ души. Изъ сказаннаго видно, что стыдъ не всегда означаетъ въ глазахъ нашихъ ближнихъ униженіе или смиреніе. Наше выраженіе: „короинъ-хаирнъ“ или „тен-ин-хаирнъ“, т. е. быть пристыженнымъ передъ самимъ собою или передъ небомъ, можно лучше всего передать словами: испытывать чувство стыда. Такое ученіе было необходимо и благотворно въ такой маленькой феодальной общинѣ, гдѣ общественное мнѣніе—можетъ быть выраженное кучкой болтуновъ—имѣло большее вліяніе, чѣмъ въ нынѣшнія времена, и гдѣ, поэтому, идеи другихъ людей плохо дѣйствовали на независимость образа мыслей, и гдѣ требованія самоотреченія должны были поколебать вѣру въ свои собственныя убѣжденія. „Пока зеркало моей души не затуманено вашими гнилымъ дыханіемъ, до тѣхъ поръ все хорошо“,—говоритъ одинъ самурай. Или, какъ пишетъ одинъ поэтъ: „какія бы мысли ни возбуждала осенняя луна, которая такъ ясно и весело свѣтитъ высоко надъ гребнемъ горъ, она о нихъ не спрашиваетъ у васъ“. Правда, самурая, который

никогда не былъ затворникомъ, не было достаточно только незапятнанной жизни; будничная жизнь представляла случаи, требовавшіе удовлетворенія, и судьба одного китайскаго государственнаго дѣателя не была забыта. Этотъ благородный мужъ презрительно ушелъ отъ общественной жизни и проводилъ свое время въ уженіи рыбы. Однажды вечеромъ, когда онъ былъ занятъ своимъ обычнымъ дѣломъ, мимо него проплыла лодка съ перевозчикомъ, который нарушилъ тишину моря слѣдующими словами: „не вы ли благородный господинъ Саніо? Къ чему это напрасное времяпрепровожденіе, когда страна нуждается въ вашихъ услугахъ?“ Благородный мужъ отвѣтилъ: „весь міръ совратился съ истиннаго пути, я одинъ только на вѣрной дорогѣ“. При этомъ рыболовъ взялся за руль и, выбивая по краю своей барки тактъ, началъ плѣть, удаляясь: „благоразумный идетъ въ ногу съ временемъ; если воды потока Сора свѣтлы, какъ кристалль, то онъ можетъ опустить въ нихъ кисть своего щита, но если онѣ загрязнены тиной, то онъ можетъ только мыть свои сандалии“. Это опасное ученіе, я долженъ въ этомъ признаться, достойное того, чтобы объ этомъ подумать.

Первымъ требованіемъ, которое предъявлялось тому, кто хотѣлъ быть настоящимъ самураемъ,—это, какъ я уже упоминалъ, умѣнье отдавать себѣ во всемъ отчетъ. Совѣсть или то, что у насъ опредѣлялось словомъ „когото“ (означающее одновременно чувство, умъ и доброе сердце), была единственнымъ масштабомъ правды и несправедливости. Но мы знаемъ, что совѣсть—это сила сознанія, а такъ какъ вся сущность бушидо означаетъ дѣятельность, то у насъ, какъ оказывается, было распространено ученіе Сократа о томъ, что мысль и дѣло это одно и то же, хотя и самъ Сократъ былъ намъ также неизвѣстенъ, какъ Х — лучи.

То, что совѣсть называетъ хорошимъ—это справедливость, прямота, а способность достигнуть послѣдней въ связи съ первой называется бодростью. Надо ожидать отъ воинственной идеи ученія бушидо, что дѣятельность имѣетъ огромное значеніе. Въ ранней юности задача самурая заключалась въ слѣдующемъ: переносить и рисковать. Мальчики и дѣвочки—послѣднія въ ограниченномъ числѣ—воспитывались по-спартански, чтобы переносить всевозможныя лишенія. Передъ восходомъ солнца они ходили босикомъ по снѣгу на упражненія въ фехтованіи и въ стрѣльбѣ въ цѣль; въ полночь ходили на кладбище; сидѣли цѣлыя ночи, будучи всегда наготовѣ; подвергались тяжелымъ испытаніямъ, которыя „ученый“ педагогъ назвалъ бы варварскими,—таково было воспитаніе, которому подчинялись самуран; хотя все это было здорово и хотя во многихъ отношеніяхъ полезно закаливаетъ нервную систему здоровой природы, но все же это не было той цѣлью, которую преслѣдовало бушидо. Менцій указывалъ разницу между смѣлостью Филеуса и тѣмъ, что онъ называетъ „великимъ (нравственнымъ) мужествомъ“, а человѣку, главная сила котораго была въ этомъ мужествѣ, онъ лучшаго имени не далъ, какъ „крестьянскій воинъ“. „Мужество, если выходитъ изъ должныхъ предѣловъ становится, дикостью“. Конфуцій ясно учитъ, что всякій смѣлый поступокъ долженъ прежде всего быть справедливымъ; при этомъ невольно является искушеніе сказать о Шекспирѣ, что онъ перевелъ слова китайскаго мудреца, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ заставляетъ говорить Карла Альбанскаго: „если бы я не могъ быть честнымъ, то я не могъ бы быть храбрымъ“. Честность неразрывно связывалась съ храбростью. Прямота, дѣйстви-

тельно, было однимъ изъ допускаемыхъ условій для развитія смѣлости. Истинное значеніе какой нибудь причины выяснялось не посредствомъ убѣдительныхъ доказательствъ, а только чисто субъективнымъ моральнымъ сужденіемъ. Причина, а не слѣдствіе развивало въ поведеніи честность. Отчасти, какъ говоритъ Джонъ Стюартъ Милль,—основанія и предметъ нравственнаго поступка почти не различаются. Нравственный поступокъ можно сравнить съ крѣпкимъ ядромъ, въ центрѣ безчисленныхъ круговъ котораго вращается честность, истинное содержаніе которой есть любовь. Потому что, если честность даетъ представленіе о характерѣ, то доброжелательность надѣляетъ его достоинствомъ и славой.

Доброжелательность, по ученію Бушидо,—высшій атрибутъ благородства. Такимъ образомъ, скверное обращеніе съ падшимъ человѣкомъ доказываетъ трусость, а оказаніе помощи слабому, или покровительство женщинамъ и дѣтямъ — мужество. Только тотъ—истинный самурай, который чувствуетъ въ своемъ сердцѣ состраданіе. Въ своемъ великодушіи бушидо шло еще дальше, если взять Бакиү путеводной нитью. Въ своемъ удивительномъ разсказѣ „Восемь охотничьихъ собакъ“ онъ изображаетъ Инуи, обладающаго добродѣтелью доброжелательности въ роли сострадательнаго самарянина и заставляетъ его спасти жизнь своему врагу лекарствами и заботливымъ уходомъ. Я признаюсь въ томъ, что, не умѣя объяснить это, я чувствую разницу между любовью, которой учитъ Христосъ, и тѣмъ состраданіемъ, добротой, которой непосредственно требуетъ бушидо. Лежитъ ли это въ его внутреннемъ характерѣ? Или въ степени его силы? Можетъ быть, это происходитъ отъ того, что одно ученіе демократично, а другое — аристократично? Или это коренится въ свойствѣ откровенія? Или, можетъ быть, это зависитъ отъ того, что одно — вѣчно женственно, а другое вѣчно мужественно? Или же это отъ того, что то, что исходитъ съ неба — божественно, а что отъ земли, является земнымъ. Я не знаю, какъ отвѣтить на всѣ эти вопросы, возникающіе съ быстрой послѣдовательностью одинъ за другимъ въ то время, какъ перо мое скользитъ по бумагѣ, но я вѣрю въ то, что ученіе бушидо, проникнутое свѣтомъ той любви, которая озаряетъ всякаго человѣка при вступленіи его въ міръ, предвидѣла чудное откровеніе любви.

Но вернемся къ нашей темѣ. Бушидо смотритъ на состраданіе и доброту, какъ на главныя добродѣтели не потому, что они имѣютъ преимущество передъ другими добродѣтелями, а потому, что эти свойства необходимы человѣку, которому приходится управлять подчиненными; поэтому Конфуцій и Менцій были неутомимы, наблюдая всегда за князьями и властелинами. Дѣйствительно, эти два слова заключали для нихъ всѣ обязанности властелиновъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ (1897 г.) германскій императоръ, въ своей рѣчи, произнесенной въ Кобленцѣ, напомнилъ своему народу о „королевствѣ Божіей милостью“, подчеркнул свои тяжелыя обязанности и огромную отвѣтственность, передъ Создателемъ, отъ которой ни одинъ человѣкъ, ни одинъ министръ, и никакой парламентъ не можетъ избавить монарха; этотъ средневѣковый тонъ звучалъ, какъ источникъ понятій бушидо о нравственныхъ обязанностяхъ. Состраданіе и великодушіе, эти благородныя добродѣтели, какъ говоритъ Ридъ въ своемъ „Опредѣленіи моральнаго развитія“, происходятъ отъ родительской любви; изъ этого слѣдуетъ, что монархъ, въ рукахъ у котораго patria potestas надъ миллионами, долженъ больше всего цѣнить и развивать эти добродѣтели.

Если государь проникнуть такими благородными понятіями о своемъ достоинствѣ, какъ о дарованной свыше власти, то для подданныхъ его нѣтъ высшей цѣли, какъ поддержать его покорностью, которая не находится въ противорѣчіи съ его обязанностями и съ его совѣстью. Бушидо, въ этомъ отношеніи, было схоже съ христіанскимъ ученіемъ о долгѣ и службѣ. Правящимъ и управляемымъ одинаково внушалось служить высшей цѣли, и ради нея приносить себя въ жертву. Однако, бушидо не указывало стонущему подъ жестокостями неправаго монарха народу на царубійство, какъ на вѣрное средство облегченія. За всѣ сорокъ пять столѣтій, въ теченіе которыхъ національная жизнь Японіи терпѣла испытанія, на страницахъ нашей исторіи не появилось ни одного пятна въ родѣ смерти Карла I или Людовика XVI. Былъ ли когда нибудь на нашемъ тронѣ Неронъ или Калигула? Я имѣю основанія сомнѣваться въ истинѣ тѣхъ жестокостей и свирѣпости, которыя разсказываются о Юріаку и Буретсу.

Наша любовь къ императору нашему порождаетъ и любовь къ странѣ, которою онъ управляетъ. Отсюда происходитъ наше чувство патріотизма, котораго я не называю долгомъ, такъ какъ, по справедливому замѣчанію д-ра Самуэля Джонсона, патріотизмъ — это сильное чувство, а не простой долгъ. Я говорю, что нашъ патріотизмъ питается двумя источниками: личной любовью къ монарху и нашей общей любовью къ странѣ, въ которой мы родились и которая намъ обезпечила домъ и очагъ. Есть еще одинъ источникъ, которымъ питается нашъ патріотизмъ, — это любовь къ мѣстамъ, гдѣ погребены кости нашихъ предковъ. Здѣсь я хотѣлъ бы остановиться на нашей любви къ родителямъ.

Любовь къ родителямъ у человѣка такова же, какъ и у животныхъ, но у послѣднихъ она рѣдко проявляется въ тотъ періодъ, когда они пріобрѣтаютъ независимость. Какая добродѣтель является послѣдней, которая должна въ насъ развиваться по повелѣнію эпохи? Каково бы ни было ея происхожденіе, Гербертъ Спенсеръ очевидно считаетъ ее исчезающей чертой развивавшагося человѣчества, и я вполне сознаю, что вездѣ есть признаки, что она должна уступить мѣсто индивидуализму и эгоизму, что и случилось съ христіанствомъ. Подъ христіанствомъ я понимаю не то, чему училъ Иисусъ изъ Назарета, а смѣшанное ученіе о нравственности, какое-то варево, нѣчто изъ отжившаго іудейства, египетскаго аскетизма, греческаго величія, римской надменности, тевтонскаго суевѣрія, и буквально ото всего, что нибудь такое, что облегчаетъ земное существованіе, что санкціонируетъ массовое убійство болѣе слабыхъ расъ и отъ времени до времени коронованныхъ особъ. Христіанство учило, что основаніемъ благоустроеннаго общества служить супружеская жизнь первыхъ родителей и что, слѣдовательно, человѣкъ долженъ покинуть отца и мать и слѣдовать за своею жизнью; это ученіе само по себѣ не очень понятно, и какъ уже св. Павелъ соглашается, очень сомнительно въ своемъ примѣненіи, разрѣшая незрѣлому юношѣ попираеть ногами волю его родителей, если онъ влюбится въ легкомысленную дѣвушку.

Христосъ, конечно, никогда не защищалъ такого толкованія; въ десяти заповѣдяхъ его также нѣтъ словъ: „люби свою жену больше, чѣмъ ты считаешь своего отца и мать“. Бушидо отрицаетъ, что общество (духовное товарищество) беретъ начало отъ Адама и Евы, т. е. не отъ супружества, а отъ Адама и его сына. Даже безъ помощи искривляющагося

жизнью произведенія Марка Твена „Дневникъ Адама“, мы можемъ себѣ легко представить то время, когда Ева была совершенно чужой въ Эдемѣ. Еще передъ появленіемъ этого длинноволосаго существа Адамъ уже не разъ говорилъ со своимъ Создателемъ, творцомъ и отцомъ, такъ что, даже по библейскому разсказу, между отцомъ и сыномъ существовали отношенія раньше, чѣмъ они создались между мужемъ и женой; другими словами, если говорить о прецедентѣ, то любовь къ родителямъ была первой добродѣтелью. Это чувство, почти незнакомое низшимъ существамъ, можетъ быть, потому-то и было первымъ, которое испытало человѣчество. По требованіямъ христіанства, супружеская любовь имѣетъ преимущество передъ сыновнею.

Наша идея сыновней любви основывается, прежде всего, на чувствѣ благодарности за существованіе и за все то, что оно въ себѣ заключаетъ. Этому насъ учить шинтоизмъ, и хотя буддизмъ сообщилъ намъ скептическое понятіе, основанное на естественной исторіи о нашемъ происхожденіи, но здравый смыслъ нашего народа отрицаетъ это, какъ ложь.

Не будетъ хвастовствомъ, если я буду утверждать, что корень японской расы всегда былъ здоровымъ и, надѣюсь, остался такимъ и донинѣ. Наша раса прямѣе понимала нравственные истины, чѣмъ ея духовные учителя на азіатскомъ континентѣ. Въ слѣдующемъ анекдотѣ кроется нѣчто большее, чѣмъ человѣческое остроуміе: „одинъ китайскій монархъ оказалъ честь Японіи подаркомъ „книги двадцати четырехъ случаевъ сыновней любви“, на что Японія отвѣтила также подаркомъ „книги съ двадцатью четырьмя случаями сыновней непокорности!“ вмѣстѣ съ письмомъ, въ которомъ сказано, что если въ Китаѣ „можетъ быть двадцать четыре случая сыновней любви, то въ Японіи найдется не больше двадцати четырехъ людей, которыхъ можно было бы обвинить въ сыновней непокорности“.

Я далека отъ того, чтобы сказать, что вопросъ о любви дѣтей къ родителямъ исчерпанъ. Это сама по себѣ очень значительная тема, и если мы будемъ разбирать всѣя детали, какъ, напримѣръ, отвѣтственность родителей, почитаніе предковъ, условія семейной жизни, домашнее воспитаніе юншества, положеніе матери въ домашнемъ обиходѣ, то это насъ заведетъ въ область юриспруденціи и общественныхъ наукъ и т. д., что превышаетъ мои познанія. Но недостатокъ времени больше всего извиняетъ меня въ сокращеніи моего доклада. Мнѣ кажется все же умѣстнымъ въ нѣсколькихъ словахъ описать положеніе жены, такъ какъ до сихъ поръ мы все говорили о матери. Наше рыцарство ни въ чемъ такъ не отличается отъ европейскаго, какъ въ отношеніи нашемъ къ слабому полу. „Въ Европѣ, — говоритъ Ст. Палайе, — галантность — душа общества“. Такъ называемый *gai sabreur*, веселое искусство — военное и галантное, — усердно изучалось и вмѣнялось въ законъ, который имѣлъ большее значеніе, чѣмъ военная честь. И къ чему это привело? Мы видимъ, что Гиббонъ краснѣетъ при упоминаніи объ этомъ, и мы слышимъ, что Галлашъ называетъ это запрещенною любовью. Фриманъ и Гринъ еще рѣзче выражаются; тѣмъ не менѣе, въ ихъ осужденіи крупина правды. Корнишъ постоянно повторяетъ о томъ, что вѣжливость по отношенію къ женщинамъ не была чертой европейскаго рыцарства, но что она была перенята у сарацинъ. У насъ не было сарацинъ, которые учили бы насъ; китайскіе мудрецы и буддійскіе монахи оставили намъ дурное по-

нітіе о женщинахъ. Меня безконечно удивляетъ то обстоятельство, что ученіе Конфуція и буддизмъ, при томъ огромномъ вліянні, которыми они пользовались, все-таки не въ силахъ были унижить положеніе нашихъ женщинъ. Наше рыцарство было наше собственное, и только этому мы обязаны привитою намъ доблесті, которая обязывала рыцарей поддерживать слабыхъ; мы еще обязаны этимъ внушенному намъ почтенію къ нашимъ родителямъ, которое освящаетъ въ нашихъ глазахъ всякую женщину, какъ настоящую или будущую мать. Я не слѣпъ и не пристрастенъ, чтобы утверждать, что среди самураевъ не было веселыхъ нравовъ и легкомыслія или любви къ приключеніямъ, но это были только скачки въ сторону; и никогда это не входило въ составъ рыцарскихъ правилъ, какъ это было у *gai sabreur* овъ европейскаго рыцарства.

Врядъ ли найдется болѣе неудачное сравненіе, какъ сравненіе характера самурайскихъ женщинъ съ типомъ гейши; именно контрастъ между обѣими и дать гейшѣ право на существованіе; самурайская женщина была женщина степенная, серьезная, даже строгая,—то, что называется „домашнимъ существомъ“, не обладающая умѣніемъ бесѣдовать, и еще менѣе веселиться, знакомая лучше съ поэзіей старины, чѣмъ съ новѣйшими пѣснями. Плутархъ рассказываетъ намъ о спартанскихъ женщинахъ, честолюбіе которыхъ заключалось въ томъ, чтобы быть женами великихъ людей и матерями знаменитыхъ сыновей. Бушидо также предоставлялъ нашимъ женщинамъ не меньшій идеалъ, и все ихъ воспитаніе согласовалось съ этимъ взглядомъ. Пѣсня Уланда о томъ, что „солнечный свѣтъ становится ея благодатью; она даетъ намъ силы въ бурю и дождь“, не могла быть примѣнена при воспитаніи нашихъ дѣвушекъ. Ихъ учили многимъ военнымъ упражненіямъ, искусству самообороны, защищать себя и своихъ дѣтей, даже искусству самоубійства, чтобы покончить съ своею жизнью съ сознаніемъ долга и съ достоинствомъ, если имъ другого выбора не было, какъ позоръ. Мирными искусствами (музыка, танцы, плетеніе вѣнковъ и т. д.) также не пренебрегали, но подготовленность на случай нужды, домоводство и воспитаніе дѣтей считались гораздо болѣе важными предметами для изученія. Закаливаніе нервовъ считалось необходимой частью ихъ воспитанія; плачъ и рыданія считались недостойными самурайской женщины. Мы читаемъ объ одной матери, на глазахъ у которой умирала ея дочь, что она въ это время сочиняетъ слѣдующую оду: „растущій на днѣ источника невидимый мохъ пусть посылаетъ свои листья къ хижинѣ посторонняго человѣка, но біенія моего сердца никогда не узритъ посторонній глазъ“.

Стоицизмъ — неослабно преслѣдуемая цѣль нашего самовоспитанія, и какъ только сердце переполняется, наша воля начинаетъ дѣйствовать, чтобы подавить чувство. Если человѣкъ въ состояніи гнѣва начинаетъ бушевать, то это считается признакомъ дурного вкуса: онъ долженъ надсмѣяться надъ своимъ гнѣвомъ. Если на него напала грусть, онъ долженъ скрыть свои слезы подъ улыбкой. Существуетъ пошлѣе мнѣніе, что японцы—легкомысленный веселый народъ, у которыхъ всегда на устахъ улыбка, и что японскія дѣвушки всегда нарядны и всегда смѣются. Къ тому тонкому опредѣленію японской улыбки, дан-

¹ Японскій музыкальный инструментъ.

ному неподражаемымъ языкомъ Лафкадія Гирна едва ли нужно что-нибудь прибавить. Достаточно признать ее сложнымъ феноменомъ, который дѣйствуетъ въ груди и мозгу, какъ результатъ сознательныхъ и бессознательныхъ конфликтовъ. Постоянное стремленіе сохранить бодрость духа находится въ такой тѣсной связи съ чувствомъ вѣжливости и съ образованіемъ, что я могу себя разрѣшить закончить мой докладъ нѣсколькими словами о самурайскомъ воспитаніи. Основная идея вѣжливости заключается въ стремленіи быть всегда пріятнымъ въ сношеніяхъ съ другими людьми. Это самыя благородныя требованія хорошаго общества, такъ какъ книксены и поклоны также признаки хорошаго воспитанія, хотя и низшаго достоинства. Тѣмъ не менѣе, если принужденные поклоны окажутся такими неловкими, что оскорбляютъ вкусъ, то нужно взяться за усовершенствованіе ихъ. Этикетъ изучается, какъ изучается музыка для голоса или математика для умственной дисциплины; отсюда слѣдуетъ, что хорошія манеры, какъ и хорошій голосъ, не суть предметы существенно важные. Для культуры бушидо этикетъ не представляетъ собою конечной цѣли, а только одно изъ многочисленныхъ средствъ для развитія духовныхъ качествъ.

Что ты дѣлаешь съ ложечкой за чаемъ?—не имѣетъ большого значенія, но этимъ ты выдаешь себя, кто ты такой; по привычкамъ узнають человека. Все же я настаиваю на томъ, что манеры и этикетъ имѣютъ значеніе, какъ доказательство хорошаго воспитанія, которое стремится доставить другимъ удовольствіе и избѣгать того, чтобы дѣлать другому непріятность. Вѣжливость должна идти рука объ руку съ предписаніемъ: „радуйся со счастливымъ и плачь съ несчастнымъ“ или, еще лучше: „радуйся со счастливымъ и не показывай другимъ твоихъ слезъ“. Стоицизмъ и вѣжливость, повидимому, такіе далекіе другъ другу, — на самомъ дѣлѣ брать и сестра. Онъ переноситъ все, чѣмъ она представляется, безъ нея онъ неповоротливъ, а она безъ него не имѣетъ значенія.

Я могу себя представить, что въ первыя времена бушидо требовали строгаго исполненія правилъ хорошаго поведенія особенно отъ такихъ легко воспламеняющихся людей, какъ двумечники. Ношеніе оружія всюду должно было идти рука объ руку съ приличнымъ поведеніемъ. Сэръ Стамфордъ Раффль въ своей „Истории Явы“ приписываетъ вѣжливыя манеры ея обитателей привычку носить съ собою туземный ножъ. Можетъ быть, благородство нравовъ есть расовая особенность малайцевъ, какъ и чистоплотность,—это вопросъ, на который трудно отвѣтить, но вѣрно то, что бушидо усовершенствовало всякую вѣжливость, которая намъ, быть можетъ, свойственна, какъ малайской расѣ. Вѣжливость и церемоніи во всѣхъ своихъ проявленіяхъ неразрывны съ рыцарствомъ. „Хотя отжившія церемоніи скучны и бессмысленны,—говоритъ Корнишъ,—но они берутъ свое начало въ естественномъ достоинствѣ человека“.

Надменность, вызываемая неравенствомъ происхожденія и составляющая часть характера настоящаго рыцаря, разнилась отъ гордости такъ же ясно, какъ восхищеніе отъ зависти и была неразрывна съ церемоніей. Всегда существуетъ опасность, что церемонность и вѣжливость въ жизни будутъ противорѣчить своей истинной природѣ и превратятся въ неестественное манерничанье или въ плоскую услужливость. Какъ только люди отклоняются отъ чистосердечности, то самое утонченное поведеніе не можетъ рассчитывать на похвалу. Пустыя фразы и формаль-

ности презирались строгими правами самураевъ. Таинственный бушидо, если можно дать ему такое опредѣленіе, не признаетъ ни одного слова или поступка, противорѣчащаго искренности и правдивости.

Часто высказывается одно поверхностное замѣчаніе, которое мы слышимъ отъ европейцевъ, будто японцы слишкомъ вѣжливы, чтобы быть искренними; а одинъ миссіонеръ даже пишетъ: „Они (это лучшее выраженіе, чѣмъ неподходящее существительное „туземцы“; если не ошибаюсь, то это слово, этимологически правильное, относится къ людямъ, родившимся въ странѣ, которая представляетъ собою колонію другой страны, а не принадлежащимъ къ независимой державѣ,—поэтому англичане называютъ индусовъ туземцами Индіи, но для нашего уха странно слышать, когда европейцы такъ называютъ японцевъ) совершенные лгуны“. Одна дѣвушка изъ миссіонерской школы вышла замужъ; ея учитель спросилъ ее: „твой мужъ тебя любитъ?“ — „Нѣтъ“, отвѣчаетъ молодая женщина, потому что ей и въ голову не придетъ хвалить своего мужа больше, чѣмъ себя, сознаваясь въ своей нѣжности къ нему. На этомъ основаніи молодой мужъ обвиняется въ жестокости и дурномъ обращеніи съ женой. Если впоследствии, къ счастью, выяснится, что молодая чета живетъ счастливо, то жену обвиняютъ въ томъ, что она солгала. Если ты спросишь у твоего друга-японца, котораго ты видишь въ большомъ горѣ, что съ нимъ, то онъ тебѣ отвѣтитъ съ улыбкой: „ничего“, ибо зачѣмъ же ему нарушать миръ и веселье своего друга, пока онъ въ состояніи переносить свои страданія одинъ. Такой отвѣтъ можно назвать ложью, по крайней мѣрѣ, условной ложью, или, еще опредѣленнѣе, ложью изъ гордости; тѣмъ не менѣе, она, можетъ быть, не такъ ужъ достойна порицанія и, скорѣе, такъ сказать, христіанскаго характера, такъ какъ зачѣмъ вливать въ уши своего сосѣда все несчастье, которое тебя поразило до самой глубины души. Ни одинъ врагъ лицемѣрія не можетъ отрицать истины слѣдующихъ словъ Джорджа Эллиотъ: „все мы смертныя, какъ мужчины, такъ и женщины, испытываемъ немало разочарованій въ промежуткѣ между утреннимъ и обѣденнымъ временемъ, удерживаемся отъ слезъ и бываемъ блѣдны, съ дрожащими губами, и въ отвѣтъ на сострадательные вопросы мы отвѣчаемъ: „о, ничего!““. Дальше она говоритъ: „намъ помогаетъ гордость и она вовсе не дурного свойства, если служить для сокрытія нашихъ собственныхъ ранъ, чтобы не огорчать другихъ“.

Искренность, которою далеко не слѣдуетъ пренебрегать, сдѣлалась важнымъ факторомъ въ числѣ рыцарскихъ добродѣтелей. Говорить правду не всегда можно въ военномъ быту. Военное искусство—искусство не безусловно честное. Вспомните, чему училъ Ликургъ. На полѣ брани трудно добиться честности и быть ей вѣрнымъ; она скорѣе является продуктомъ рынка. Если м-ръ Киддъ такъ много распространяется о преимуществахъ западной цивилизаціи, которыя обязаны своимъ существованіемъ только обыкновенной національной добродѣтели—честности и пр., то онъ ошибочно принимаетъ слѣдствія за причины. Совѣтъ не нужно обладать большою силой воображенія или остротой мысли, чтобы найти, что въ торговлѣ и промышленности „честность — самая лучшая политика“, между тѣмъ какъ любовь къ правдѣ, какъ она понимается въ военной морали, принимаетъ образъ чего-то высшего, скрытаго и поэтому болѣе рѣдкаго, называемаго Лекки философскимъ, въ отличіе отъ политическаго и промышленнаго.

Торговая дѣятельность была такъ далека отъ бушидо, какъ сѣверъ

отъ юга. Ремесло и торговля не имѣли никакого значенія для самурая и было бы униженіемъ его достоинства, если бы онъ интересовался этими предметами; поэтому бушидо не пользовался вліяніемъ въ первые годы торговли. Естественнымъ послѣдствіемъ этого было то, что у ремесленниковъ появился не совсѣмъ нравственный тонъ. Слабая сторона Бушидо, затрагивающаго мораль всѣхъ классовъ, была та, что оно опредѣляло чувство чести соотвѣтственно различнымъ классамъ общества; высшая—у самураевъ, затѣмъ—у сельскихъ жителей и механиковъ, а наименьшая—у купцовъ. Такъ какъ на послѣднихъ всѣ смотрѣли, какъ на наименѣ честныхъ, то ихъ моральная точка зрѣнія соотвѣтствовала ихъ репутаціи. Тѣмъ не менѣ, такая добродѣтель, какъ честность, привилась въ коммерческомъ дѣлѣ скорѣе всего, такъ какъ награда за нее получается не такъ далеко, т. е. не на небесахъ или послѣ смерти, а когда на прилавкѣ считаются прибыли или когда наступаетъ срокъ векселя. Уже въ послѣднія два десятилѣтія мы замѣтили во всѣхъ отрасляхъ нашей промышленности значительное улучшеніе въ этомъ отношеніи.

Такъ какъ бушидо было моралью извѣстнаго класса, то это ученіе пользовалось значеніемъ въ ограниченномъ кругу; его правила были составлены для высшихъ ступеней. Поэтому самурай нисколько не интересовался нравственностью коммерческихъ людей, но зато были въ этомъ отношеніи требовательнѣе къ людямъ своего званія. Тѣ, которые переступали правила чести, подвергались жестокому наказанію. Возьмемъ, напримѣръ, харакири, какъ образецъ того, что ожидало обезчестившаго себя самурая. Кстати, нужно замѣтить, что у насъ это слово не принято употреблять; его замѣняютъ словами сеппуку или каппуку. Слово харакири насмѣшливо употребляется иностранцами писателями, и, дѣйствительно, такая процедура лишенія себя жизни возмутительна. Но не слѣдуетъ, однако, смотрѣть на этотъ обычай съ реальной точки зрѣнія. Какая страшная картина представляется на полотнѣ Тиссо тому, кто никогда не слышалъ о мировой трагедіи на горѣ Кальваріи. Даже самое лучшее изображеніе смерти не всегда драматично и картинно; исторія только освящаетъ блѣдную смерть; жизнь, которую перенесъ постарѣвшій, отнимается у смерти горе и позоръ. Если бы это было иначе, то кто могъ бы согласовать чашу яда съ философіей, или крестъ—съ Евангеліемъ. Если бы сеппуку было родомъ казни, примѣняемой только къ разбойникамъ и ворами, тогда его буквальный переводъ („распарываніе живота“) вполне соотвѣтствовалъ бы этому и въ хорошемъ обществѣ былъ бы принятъ. Мы можемъ сказать о распарываніи живота то, что сказалъ Карлейль о религіозномъ нищенствѣ: именно, „что это дѣло было и некрасиво, и неособенно благородно до тѣхъ поръ, пока благородство тѣхъ, которые имъ занимались, сдѣлало и его благороднымъ“. Сеппуку означаетъ, буквально и фактически, разрѣзываніе живота. Этимъ способомъ умерщвленія пользовались только двумечники. Иногда это было наказаніемъ, назначеннымъ или наложеннымъ начальствомъ; иногда это было жертвованіемъ (назвать ли его символическимъ?) жизнью для чего-либо, а иногда и послѣднимъ спасеніемъ чести. Если сеппуку производилось въ видѣ наказанія, то говорили, что виновный сознался въ своей винѣ, что равнялось словамъ: „я совершилъ нехорошій поступокъ, мнѣ стыдно передъ своей собственной совѣстью, и я наказываю себя собственными руками, осуждая себя“. Часто бывало, что обвиняемый совершалъ

надъ собою сеппуку, не будучи виновнымъ; въ этомъ случаѣ поступокъ его означалъ: „я невиновенъ, но я хочу показать вамъ мою душу, чтобы вы сами могли судить объ этомъ“. Иностранцы часто задають справедливый вопросъ: почему именно эта часть туловища (т. е. животъ) избрана для совершенія самоубійства? Мнѣ кажется, это объясняется тѣмъ, что японцы убѣждены были, будто животъ является тѣмъ мѣстомъ, въ которомъ находится душа. Гдѣ находится эссенція души? Вотъ вопросъ, который часто предлагается и о которомъ думаютъ мудрые люди всѣхъ временъ. Древнеіудейскіе пророки говорили, что она находится во внутренностяхъ; древніе греки — что въ *thumos* или *phren*, французы — что въ животѣ, а японцы — что въ *hara*; (*hara* — это общее обозначеніе передней части туловища). Нервные центры живота очень чувствительны ко всякой физической боли; поэтому думали, что здѣсь находится душа. Когда Шекспиръ заставляетъ говорить Брута (Цезарю): „твой духъ бродитъ, это онъ вонзаетъ мечъ намъ въ наши внутренности“, то не выступаетъ ли онъ со своимъ авторитетомъ за правдоподобность такого убѣжденія? Практическому и нежелающему много думать западу не могло показаться ничего глупѣе и бесполезнѣе той болѣзненной процедуры, когда пистолетный выстрѣлъ или небольшая доза мышьяка могла послужить для той же цѣли. Не слѣдуетъ, однако, забывать того, что, по ученію бушидо, сеппуку заключалось не только въ томъ, чтобы „покончить съ тысяча и одной болѣзнию, которыя пристають къ плоти“. Такая смерть не была „богобоязненнымъ желаннымъ концомъ“. Честь была понятіемъ, которое рѣшало этотъ поступокъ о жизни и смерти, а честь не терпитъ мысли, чтобы улизнуть изъ жизни. Холодная обдуманность, безъ которой сеппуку было бы невозможно, доказала, что оно не было поспѣшно, или явилось результатомъ припадка безумія. Каждый шагъ этого процесса доказываетъ сознательность его. Страданія, которыя оно причиняло, и то, какъ они переносились, показывали величіе души. Однимъ словомъ, тотъ, кто совершалъ надъ собою сеппуку, могъ сказать: „оповѣсти, что я умеръ храброй смертью; я не избѣгалъ ничего такого, чего требуетъ мужество“. У самураевъ смерть — на полѣ битвы или (какъ говорятъ японцы) на цыновкѣ — также считалась славой, вѣнчавшей умирающаго послѣднею въ жизни, для которой первая была создана и поэтому ему надлежало быть почитаемымъ.

Сеппуку больше уже не примѣняется нынѣ въ качествѣ наказанія. Новая система уголовныхъ законовъ ничего не знаетъ объ освященныхъ обычаяхъ порядка. Появилось новое „просвѣщенное“ поколѣніе ученыхъ юристовъ, презирающихъ такіе варварскіе пережитки. Молодежь, никогда не носившая меча, не испытывавшая бездны позора и высоты чести и находящая свой масштабъ хорошаго и дурного въ книгахъ физиологіи, — выступаетъ впередъ. Я не хочу оскорблять христіанскаго ученія (если Христосъ дѣйствительно говорилъ что-нибудь противъ самоубійства), утверждая, что для Японіи будетъ печальнымъ тотъ день, когда сыны ея перестанутъ почитать честь (я подъ этимъ подразумѣваю не само сеппуку), которая заключается въ этомъ поступкѣ.

Врожденный расовый инстинктъ чести является единственной защитой для нашей общественной морали, единственнымъ властнымъ предѣломъ въ нашей частной жизни, единственнымъ основаніемъ нашей любви къ родинѣ и преданности. Чувство чести — единственные узы, кото-

рыя связываютъ японца съ нравственной жизнью; всякая другая моральная сила еще слишкомъ слаба или по своей молодости, или по дряхлости, хотя нельзя отрицать того, что на каждомъ шагу представляются многочисленные и заманчивыя средства. Буддизмъ потерялъ свое серьезное стремленіе, и небольшія секты его заняты пустяками. Свѣтъ Менція и Конфуція поблекъ передъ паразитическимъ, болѣе блестящимъ свѣтомъ позднѣйшихъ философовъ. Христіанство далеко уклонилось въ сторону отъ ученія своего Божественнаго Основателя и сдѣлалось, какъ часто говорится въ проповѣдяхъ, фарсомъ и карриатурой оригинала. Дьявольскій Ницше и его поверхностные послѣдователи повсюду пробиваютъ себѣ дорогу, обѣщая спасеніе еще болѣе поверхностному юношеству въ гединизмъ, пока еще не получившемъ твердаго основанія и неизвѣстно еще, получить ли онъ его когда-нибудь. Унитаріи показываютъ намъ радость и горе и увѣряютъ насъ, что ихъ система—единственная научная система моральной бухгалтеріи. Матеріализмъ неустанно указываетъ на многочисленныхъ послѣдователей, которымъ онъ даетъ сладкія пилюли въ видѣ земныхъ благъ. Реакціонеры пробовали тяжелымъ трудомъ построить себѣ зданіе на притворствѣ, ханжествѣ и лицемѣріи для объединенія всей японской расы и, конечно, исключая чужестранцевъ. Но всѣ эти системы и этические школы ограничиваются, главнымъ образомъ, лекціями для шумливыхъ людей. Сердце націи еще въ рукахъ бушидо; духъ его повелѣваетъ нами и ведетъ насъ, и мы сознательно слѣдуемъ за нимъ. Бушидо — это среда, благодаря которой живо въ насъ почитаніе нашихъ отцовъ; свѣдѣнія о нашихъ матеряхъ живы въ насъ еще до сихъ поръ, такъ какъ это сдѣлалось нашей плотью и кровью. Какъ могло быть иначе? „Чортъ возьми, сэръ Пэдждъ!“—говоритъ деревенскій судья Шелло въ „Виндзорскихъ кумушкахъ“—„Хотя я теперь старъ и мирный гражданинъ, но когда я вижу обнаженный мечъ, то у меня чешутся руки взяться за него. Хотя мы теперь судьи и доктора, сэръ Пэдждъ, все же мы чувствуемъ въ себѣ молодой задоръ; да сэръ Пэдждъ, мы рождены женщиной“. Мы можемъ быть только дѣтьми нашихъ родителей. Говоря это, я совсѣмъ не хочу переживать феодализма прежнихъ временъ, такъ какъ это не было существенной чертой нашей расы; я думаю еще, что мы непремѣнно должны придерживаться политическихъ или общественныхъ учреждений, такъ какъ учрежденія съ теченіемъ времени должны по необходимости мѣняться. Духъ бушидо всегда готовъ слушать и указывать все хорошее, чистое и пользующееся хорошей славой. Преобразование современной Японіи само по себѣ есть плодъ ученія бушидо. Міръ знаетъ, что Японія въ короткій тридцатилѣтній промежутокъ добилась такого положенія, что изъ политическаго ничтожества превратилась въ великую державу. Объясненіе этому кажущемуся чуду пробовали давать съ разныхъ точекъ зрѣнія, но тѣ, которые незнакомы ни съ психологіей нашей расы, ни съ предписаніями рыцарства, отказались отыскивать надлежащую теорію и, что ничуть не удивительно, назвали это просто обезьянчаньемъ. Это правда, что мы въ извѣстномъ смыслѣ обладаемъ даромъ подражанія. Какое же прогрессирующее государство не воспользовалось бы имъ? Надо только подумать о томъ, какъ немного греческой культуры появилось на эллинской почвѣ. Кто не знаетъ, что Римъ достигъ лучшаго влѣдствіе того, что онъ свободно и откровенно подражалъ грекамъ! Сколько блеска и величія Испанія позаимствовала у мавровъ? Неза-

чѣмъ подбирать примѣры. Мнѣ кажется, что самымъ оригинальнымъ, т. е. наименѣе способнымъ къ подражанію, народомъ были китайцы, и мы видимъ, къ чему привела ихъ оригинальность. Подражаніе имѣетъ воспитательное значеніе, а самовоспитаніе есть, главнымъ образомъ, подражаніе. Валласъ и за нимъ многіе другіе зоологи учатъ насъ, какую роль играютъ въ природѣ для поддержанія жизни подражаніе и приспособленіе. Мы содрагаемся отъ ужаса при мысли о нашей судьбѣ во времена каннибализма націй. Мы могли бы остаться навсегда оригинальными. Подражаніе, несомнѣнно, сдѣлалось средствомъ для нашего спасенія.

Подражаніе является опредѣленіемъ обширнаго значенія, оно можетъ означать и слѣпое подражаніе, какъ мы часто встрѣчаемъ въ басняхъ Эзопа, и воспитательный принципъ, сознательное подражаніе, которое должно производиться тактично и осторожно. Въ послѣднемъ случаѣ подражаніе означаетъ нѣчто еще большее; оно предполагаетъ способность выбирать и соответствующій этому образъ дѣйствій. Такая сила заключалась въ бушидо,—ученіи, которое, какъ и символъ его, вишневый цвѣтъ, родилось и вскормилось въ нашей омываемой моремъ странѣ. Оно несетъ намъ дыханіе жизни, Ямато-дамаши, душу Японіи. Красиво говорилъ престарѣлый поэтъ:

„Благословенны острова Японіи! Вы забыли вашего духа Ямато. Скажите чужеземцамъ, которые смѣются надъ вами: воздухъ солнечнаго утра наполняетъ вишню чуднымъ запахомъ“.

А знакомая баллада отвѣчаетъ: „Какъ среди цвѣтовъ сакура (вишня)— королева, такъ среди людей самурай — господинъ“.

Но самураевъ уже нѣтъ, и бушидо исчезнетъ; и какъ гордость его исчезла въ сіяющемъ блескѣ просвѣщенія населенія, такъ и ученіе, которое мы называемъ Бушидо, перейдетъ въ большій и высшій нравственный законъ.

II. Культъ предковъ.

Набушиге Гоцуми,

профессора права въ императорскомъ университетѣ въ Токио, въ „Middle Temple“, и адвоката.

Въ Европѣ и Америкѣ культъ предковъ давно пересталъ существовать. Въ Японіи съ ея конституціоннымъ режимомъ онъ существуетъ и донынѣ; тамъ, гдѣ своды законовъ пишутся по образцу западныхъ странъ, гдѣ цивилизація во всѣхъ ея видахъ пустила корни,—культъ умершихъ имѣетъ огромное вліяніе на законы и обычаи страны. Это почитаніе умершихъ беретъ начало съ древнихъ временъ и пережило сотни поколѣній, несмотря на всѣ политическіе и соціальные перевороты, которые происходили со временъ основанія имперіи. Китайская цивилизація способствовала развитію этого обычая на основаніи того факта, что нравственное ученіе, законы и обычаи Китая основаны на ученіи о почитаніи предковъ. Буддизмъ, который не только не основывается на этомъ ученіи, но даже противорѣчитъ ему, былъ подъ давленіемъ глубоко-вкоренившейся вѣры народа отвергнуть и примѣненъ къ народнымъ традиціямъ; даже при введеніи западной цивилизаціи, принесшей съ собою за послѣднія тридцать лѣтъ такъ много соціальныхъ и политическихъ перемѣнъ, этотъ обычай остался безъ

малѣйшаго замѣтнаго измѣненія. Изъ этого видно, что три чуждыхъ элемента: конфуціанство, буддизмъ и западная цивилизація, имѣвшіе огромное вліяніе на наши законы, нравы и обычаи, изъ которыхъ два—діаметрально противоположны ученію культа предковъ, не могли противодействовать и положить конецъ распро странившейся въ народѣ твердой вѣрѣ въ это ученіе.

Происхожденіе культа предковъ.

Происхожденіе этого культа объясняется многими извѣстными писателями, какъ страхъ передъ духами („Origin of civilisation“ сэра Джона Лэббока, 4 изд., стр. 318; „Доисторическій періодъ индо-европейцевъ“, Іеринга, стр. 59; „La Cite Antique“ Фюстель де Куланжа) и какъ результатъ жертвоприношенія душамъ умершихъ, чтобы умиловать ихъ. Мнѣ кажется, можно приписать происхожденію культа предковъ совершенно другую причину. Не страхъ передъ умершими, а любовь къ нимъ способствовала возникновенію обычая почитанія и приношенія кушаньевъ и напитковъ въ жертву загробнымъ душамъ. Благоговѣніе передъ родителями въ нѣкоторыхъ случаяхъ походило на боязнь, но все же чувство это пробуждалось любовью, а не страхомъ. Китайскій философъ Шіу даетъ вѣрное опредѣленіе происхожденія культа предковъ, говоря въ своемъ сочиненіи „Книга домашней молитвы“, что сущность этого культа есть ничто иное, какъ усовершенствованіе всего того, что повелѣвается чувствомъ истинной любви и уваженія. Конфуцій говоритъ въ своей „Серединной книгѣ“, что „высшая сыновняя любовь выражается въ томъ, что можно служить мертвымъ, какъ служили бы живымъ, и служить умершимъ, какъ служили еще существующимъ“. Мы почитаемъ годовщину смерти нашихъ близкихъ, посѣщаемъ ихъ могилы, приносимъ имъ цвѣты, кушанья и напитки, зажигаемъ факелы и кланяемся ихъ могиламъ,—и все изъ любви и уваженія къ ихъ памяти, и въ нашемъ сознаніи совершенно отсутствуетъ чувство страха. Болѣе того, въ разсказахъ и преданіяхъ нашей страны нѣтъ ничего такого, изъ чего можно было бы заключить, что предковъ почитали для искупленія души.

Культъ предковъ былъ первой религіей Японіи и беретъ свое начало въ далекихъ временахъ нашей исторіи, которой уже больше 2500 лѣтъ; онъ существуетъ и донинѣ въ народѣ. У насъ есть три рода почитанія предковъ: почитаніе всѣмъ народомъ родоначальника императорскаго дома, почитаніе святого покровителя даннаго мѣста, что, какъ позже выяснилось, представляетъ собою пережитокъ почитанія родоначальниковъ какого нибудь рода потомками его, и, наконецъ, почитаніе предковъ членами ихъ семействъ. Въ каждомъ японскомъ домѣ имѣются двѣ святыни: камидана, или „святое божественное мѣсто“ и бутсуданъ или „алтарь Будды“. Первое—это шинтоистскій алтарь, состоящій изъ простой деревянной доски, вродѣ подставки. Посреди этой освященной доски находится „Тайма“ или „О-муза“ (жертва), которая составляетъ часть жертвы, приносимой Дайжунгу изъ Изе или храму Аматерастъ Оми-Ками,—перваго предка императора. На этомъ алтарѣ, въ видѣ жертвоприношеній, находятся рисъ, sake, и вѣтки дерева сакки (Seyera Japonica); обитатели дома каждое утро почтительно преклоняются передъ этимъ алтаремъ, хлопая при этомъ въ ладоши

и низко кланяясь, а вечеромъ передъ нимъ зажигаются свѣчи. На этомъ алтарѣ находится, кромѣ того, волшебное средство бога Ужигами или сторожевого домашняго бога семьи, а во многихъ домахъ еще и другія волшебныя средства шинтоистскихъ боговъ.

Въ тѣхъ домахъ, въ которыхъ исповѣдываютъ шинтоистскую религію, имѣется еще одна освященная доска или камидана, посвященная исключительно почитанію предковъ семьи. На этой доскѣ находятся могильные памятники съ изображеніемъ именъ предковъ, ихъ возраста и дня ихъ смерти. Эти памятные плиты называются Митама-Широ, что означаетъ „представители душъ“; онѣ обыкновенно состоятъ изъ маленькихъ ящичковъ въ формѣ шинтоистскихъ гробовъ. Жертвоприношенія, состоящія изъ риса, кофе, рыбы, вѣтокъ сакаки и фонариковъ находятся и на второй доскѣ, точно также какъ на первой.

Въ буддійскомъ домѣ, кромѣ камидана, есть еще бутсуданъ, гдѣ стоятъ памятники, на передней части которыхъ начертаны имена умершихъ буддистовъ, а на оборотѣ имена, которые носили ихъ предки при жизни. Памятникъ, большей частью, бываетъ лакированъ и иногда вѣланъ въ футляръ, называемый „цуси“, а фамиліные гербы часто помѣщаются на дощечкѣ и на футлярѣ. Передъ памятниками обыкновенно лежатъ въ видѣ приношеній цвѣты, вѣтки дерева сикими (Platanus religiosum), чай, рисъ и другая растительная пища и безпрестанно горитъ ладанъ, а вечеромъ зажигаются маленькіе фонарики. Бутсуданъ занимаетъ мѣсто второй священной доски въ шинтоистскомъ домѣ, но обѣ они посвящены почитанію фамиліныхъ предковъ.

Почитаніе предковъ императора.

Изъ трехъ видовъ культа предковъ національнымъ культомъ считается культъ предковъ императорскаго дома, особенно родоначальницы его Аматерасъ О-Миками или „Великаго божества священнаго свѣта“. Есть три мѣста, посвященные культу предковъ императорскаго дома: храмъ Дайжингу въ Изе, Кашико Докоро въ святилищѣ императорскаго дворца и Камидана, находящійся въ каждомъ домѣ. Въ первыхъ двухъ мѣстахъ божественное зеркало изображаетъ духъ императорскаго предка. Это то самое зеркало, которое, по стариннымъ рассказамъ, Аматерасъ О-Миками дала Амано-Осіомино-Микото, сопровождая этотъ даръ приказаніемъ, чтобы его потомки считали это зеркало воплощеніемъ душъ императорскихъ предковъ и почитали его, какъ ихъ самихъ. Божественное зеркало, называемое „ята-но-кагами“, находилось въ императорскомъ домѣ вплоть до шестого года эры Суджинъ (92 г. до Р. Х.). Впослѣдствіи императоръ сталъ опасаться, что большая близость, ежедневное общеніе можетъ привести къ уменьшенію уваженія святыни и поэтому онъ приказалъ принцессѣ Тойокувам-ри-хима-но-Микото, выстроить храмъ въ деревнѣ Ямато, сдѣлавшейся мѣстомъ почитанія зеркала. Этотъ храмъ переносился потомъ въ разныя мѣста, пока, наконецъ, Изе не сдѣлалось его постояннымъ мѣстопребываніемъ. Затѣмъ императоръ приказалъ сдѣлать еще одно зеркало для святилища своего дворца, чтобы онъ и потомки его могли молиться зеркалу непосредственно у себя дома. Поэтому настоящее зеркало находится теперь въ храмѣ Дайжингу въ Изе и второе — въ храмѣ Кашико-Докоро (т. е. въ императорскомъ храмѣ). Въ настоящее время всякій благомыслящій японецъ не только почитаетъ Дайжингу

въ собственномъ домѣ, но многіе считаютъ своимъ долгомъ предпринять хоть разъ въ своей жизни путешествіе въ Изе или иначе „Изе-Майри“. Тысячи людей изъ народа—высшіе и низшіе, богатые и бѣдные толпятся ежегодно вокругъ храма Дайжингу, являясь со всѣхъ концовъ страны и устраивая священные танцы съ музыкой, называемые „дай-дай-кагура“ въ честь предка императора.

Въ святилищѣ императорскаго дворца имѣется три храма: Кашико-Докоро, Кварей-Денъ и Шинъ-Денъ. Кашико-Докоро находится вблизи священнаго зеркала и посвященъ культу императорскаго предка. Кварей-Денъ расположенъ къ западу отъ Кашико-Докоро и посвященъ культу всѣхъ императорскихъ предковъ, начиная съ Джинму-Тенно,—перваго императора и основателя имперіи. Третій храмъ, Шинъ-Денъ, расположенъ къ востоку отъ Кашико-Докоро и посвященъ культу всѣхъ другихъ божествъ.

Въ настоящее время существуетъ одиннадцать дней, считающихся національными праздниками. Всѣ они, за исключеніемъ двухъ (день рожденія императора и день Новаго Года) посвящены почитанію императорскихъ предковъ. Первый праздникъ—это день Новаго Года, когда императоръ исполняетъ церемонію „сихохаи“ или „поклоненіе на четыре стороны“. Эта церемонія производится во дворцѣ въ четыре часа утра въ первый день новаго года. Императоръ начинается съ поклоненія первому предку своего дома, обращаясь по направленію къ западу, а затѣмъ обращается по направленію къ тому мѣсту, гдѣ находятся могилы перваго императора Джинму-Тенно, отца самаго императора, Комен-Тенно, и разныхъ другихъ божествъ.

По окончаніи этой церемоніи императоръ и императрица принимаютъ новогоднія поздравленія отъ членовъ императорской фамиліи, иностранныхъ посланниковъ, высшихъ чиновниковъ, дворянства и другихъ сановниковъ; такъ начинается первая придворная церемонія поклоненія императорскому предку.

Второе торжество происходитъ третьяго января и называется: „гензи саи“, т. е. „жертвоприношеніе началу“. Тутъ императоръ самолично производить священные обряды въ трехъ храмахъ святини, вмѣстѣ съ членами императорской фамиліи и всѣми высокопоставленными особами чиновъ Синъ-нин'а и Сюка-нин'а. Въ послѣдующее время аристократія и всѣ чиновники, до послѣдняго ранга, приходятъ на поклоненіе къ тремъ храмамъ.

Третій національный праздникъ—„синненъ іенквай“ или „праздничная трапеза новаго года“, имѣетъ мѣсто 5 января, и это одинъ изъ двухъ національных праздниковъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ культу предковъ.

Четвертый праздникъ—„комен-тенно-саи“. Это день смерти отца императора и происходитъ онъ 30 января. Такъ какъ церемонія этого праздника похожа на всѣ другія, то описаніе ихъ бесполезно.

Пятый праздникъ (11 февраля) называется „кигенъ-сетсу“, или „годовщина восшествія на престолъ и основанія имперіи“. По окончаніи церемоніи въ храмѣ во дворцѣ устраивается торжественный обѣдъ для принцевъ, иностранныхъ посланниковъ, сановниковъ и аристократіи.

Шестой праздникъ бываетъ 20 марта и называется „сиунки-кворей-саи“ или „весенняя жертва въ честь душъ императорскихъ предковъ“. Церемонія поклоненія какъ въ кворей-денѣ, такъ и въ синденѣ ведется императоромъ лично въ присутствіи всѣхъ сановниковъ.

Седьмой праздник „джимми-тенно-саи“ 3 апрѣля посвященъ культу Джинму-Тенно, такъ какъ это день смерти перваго императора.

Восьмой праздникъ — „сѣюки-кворей-саи“ или „осенняя жертва въ честь душъ императорскихъ предковъ“ бываетъ 23 сентября. Онъ соотвѣтствуетъ „весенней жертвѣ“, и церемоніи ихъ почти тождественны.

Девятый праздникъ, 17 октября, называется „джинзо-саи“ или „кинъ-наме-матсури“; главная церемонія его заключается въ подношеніи первой жатвы первому предку императора.

При этомъ случаѣ императоръ самъ руководитъ церемоніями въ императорскомъ храмѣ наряду съ церемоніей, называемой „юхаи“ или „отдаленный культъ“ перваго императорскаго предка въ Изе. вмѣстѣ съ новой жатвой производится „жертва первой дани“ или „нино-сакино-нуза“ „шелковая жертва“ Это пережитокъ стариннаго обычая выбирать лучшую часть „перваго корабельнаго груза“ *in natura* для жертвоприношенія на гробницѣ императорскихъ предковъ.

Десятый праздникъ, „тенхо-сетсу“,—это день рожденія его величества императора и, въ то же время, второй праздникъ, основанный не на культѣ императорскихъ предковъ.

Одиннадцатый и послѣдній праздникъ — „синъ-со-саи“ или „ниинаме-но-матсури“, бываетъ 23 ноября. Главное мѣсто занимаетъ принесеніе въ жертву новой жатвы императорскимъ предкамъ, но объ этомъ празднествѣ будетъ подробнѣе изложено при описаніи восшествія на престолъ императора.

Всѣ праздничные дни ежегодно чествуются, какъ національные праздники. Национальные флаги развѣваются на всѣхъ домахъ, женщины одѣваютъ свои лучшіе наряды, улицы наполнены праздничнымъ людомъ, а дѣти ходятъ въ школу, собираются у портретовъ императора и императрицы, и знаменитая рѣчь его величества объ образованіи читается имъ и объясняется ихъ учителями.

Изъ всего вышесказаннаго очевидно, что культъ императорскихъ предковъ — это національный культъ.

Культъ родоначальника семьи.

Народонаселеніе Японіи вначалѣ дѣлилось на три класса: син-бетсу, божественная вѣтвь, которая заключаетъ въ себѣ потомковъ боговъ; кво-бетсу, или императорская вѣтвь, гдѣ были потомки императорской фамиліи и, наконецъ, посторонняя вѣтвь, въ которой находились натурализованные иностранцы. Каждая изъ этихъ трехъ вѣтвей заключаетъ въ себѣ, въ свою очередь, много родовъ, каждый изъ которыхъ носилъ опредѣленное родовое имя „уджи“ или „кабане“. Слово „уджи“ означало имя рода или названіе потомковъ одного и того же предка, а иногда обозначало самый родъ. Слово „кабане“ чаще употреблялось для обозначенія почетнаго титула, но иногда употреблялось и въ смыслѣ родового имени. Съ теченіемъ времени каждый „уджи“ или большой родъ распался на меньшіе. Такимъ образомъ, уджи раздѣлился на „о-уджи“ — большой родъ и „ко-уджи“ — меньшій родъ. Каждый „о-уджи“ состоялъ изъ ряда подчиненныхъ партій и обыкновенно къ значительнымъ родамъ прибавлялись извѣстные слова для отличія ихъ отъ первоначальной общности.

Каждый родъ имѣетъ свое родовое божество, или „уджи-гами“, которое и есть предокъ этого особеннаго общества. Прежде, очевидно,

былъ обычай устраивать ежемѣсячно торжество родовому божеству въ домѣ члена этого рода; но позднѣе этотъ обычай исчезъ, и всѣ торжества въ честь родоначальника замѣнились другими, которыя происходили три раза въ годъ уже въ храмахъ. Всѣ члены рода принимали участіе въ церемоніи, и сохранились еще рассказы о томъ, что многимъ придворнымъ дозволялось безъ отпуска предпринимать поѣздки, чтобы присутствовать на торжествѣ въ честь своего предка, которое происходило въ храмахъ, находящихся далеко отъ столицы. Храмы въ честь родовыхъ божествъ высокопоставленныхъ чиновниковъ получали иногда въ подарокъ отъ императора участки земли для облегченія внушительныхъ расходовъ по устройству празднествъ. Приношенія по поводу торжества состояли обыкновенно изъ кушаній, напитковъ и одежды.

Слово „уджи-гами“ имѣетъ теперь другое значеніе,—именно, значеніе мѣстнаго сторожевого божества или святого охранителя родины или мѣстожительства человѣка. Измѣненіе значенія этого термина изъ родового божества въ мѣстнаго сторожевого бога и приписывается, быть можетъ, тому обстоятельству, что въ прежнія времена люди одного рода жили всѣ въ одномъ мѣстѣ и устраивали общій храмъ въ честь предка, такъ что въ то время родовой богъ и мѣстный сторожевой богъ означали одно божество. Но когда съ теченіемъ времени способы сообщенія постепенно развивались, то члены различныхъ родовъ стали разсѣиваться и селиться въ различныхъ частяхъ страны. Затѣмъ административные департаменты имперіи, вмѣсто цеховыхъ, превратились постепенно въ мѣстные и территориальные; но факты говорятъ за то, что культъ „уджи-гами“ или мѣстнаго сторожевого бога, представляетъ собою пережитокъ культа родового божества.

Культъ семейныхъ предковъ.

Поводы для празднованія почитанія предковъ семьи дѣлятся на три категоріи: жертвенные дни, жертвенныя недѣли и жертвенные годы. Жертвенный день, или „ки-ниши“, это такой день каждаго мѣсяца, который соотвѣтствуетъ дню смерти предка. Жертвенный мѣсяцъ, или „со-тсуки“, это такой день мѣсяца, который соотвѣтствуетъ дню и мѣсяцу смерти предка. Жертвенный годъ или „нен-ки“, это такой день мѣсяца въ опредѣленные годы, который совпадаетъ съ днемъ и мѣсяцемъ смерти предка, и связанная съ этимъ церемонія почитанія у шинтоистовъ происходитъ на первомъ, пятомъ, десятомъ, двадцатомъ, тридцатомъ, сороковомъ и пятидесятомъ году.

У буддистовъ эти годовыя церемоніи происходятъ на первомъ, третьемъ, седьмомъ, тринадцатомъ, семнадцатомъ, двадцать третьемъ, тридцать третьемъ, тридцать седьмомъ, сорокъ третьемъ, сорокъ седьмомъ, пятидесятомъ и сотомъ году, а послѣ этого—черезъ каждые пятьдесятъ лѣтъ, какъ у шинтоистовъ.

Согласно со старымъ обычаемъ буддисты послѣ смерти человѣка устраиваютъ церемоніи каждыя семь дней до семи разъ, т. е. до сорокъ девятого дня и соотвѣтственно этому эти жертвенные дни называются: первый седьмой день, второй седьмой день и т. д. У шинтоистовъ эти жертвенные дни обыкновенно празднуются каждый десятый день послѣ смерти и заканчиваются пятидесятымъ и сотымъ.

Обыкновенно въ этихъ жертвенныхъ дняхъ, или „ки-ниши“ ка-

ждаго мѣсяца, послѣ „седьмаго“ дня у буддистовъ и пятидесятаго или сотаго дня у шинтоистовъ, принимаютъ участіе только члены семьи или близкіе родственники, между тѣмъ какъ въ честь „сотсуки“ и „ненки“ устраиваютъ такіа пражднества, на которыа приглашаются родственники и потомки, чтобы принимать участіе въ церемоніи почитанія. Какъ у шинтоистовъ, такъ и у буддистовъ богослуженіе совершается священниками, но у шинтоистовъ церемоніи совершаются дома, а у буддистовъ и въ храмѣ, и на дому.

Всѣ эти обряды шинтоистской и буддійской религіи въ нѣкоторыхъ пунктахъ отличаются другъ отъ друга, и даже въ различныхъ буддійскихъ сектахъ замѣчается разнообразіе въ обрядахъ. Шинтоистскія жертвоприношенія состоятъ изъ кушаній и напитковъ, какъ рисъ, саке, рыба, дичь, овощи и фрукты, и изъ одежды: — куски шелка и пеньки; очень часто жертвуются еще вѣтки саккаки и цвѣты. Священники, руководящіе церемоніями, хлопаютъ въ ладоши передъ алтаремъ, и главный жрецъ читаетъ молитву, или „норито“, слова которой мѣняются сообразно обстоятельствамъ, хотя въ началѣ ея всегда доводится до свѣдѣнія предковъ, что глава семьи со всѣми домочадцами собрались для празднованія годовщины, чтобы смиренно преподнести святой душѣ „счастье моря и горъ“, что они подразумѣваютъ подъ рыбой и дичью, и т. д.; что въ домѣ миръ и что потомки его счастливы. Молитва обыкновенно кончается просьбой, чтобы души стерегли и оберегали семью и приняли смиренно-принесенныя жертвы. При этомъ каждый изъ собравшихся, начиная съ главы дома, беретъ „тамагуши“, —или маленькую вѣтку сакаки, къ которой прикрѣпленъ кусочекъ бумажки, представляющій „ниго-тайе“ или тонкое сукно, кладетъ его на алтарь, хлопаютъ въ ладоши и низко кланяется. Относительно хлопанья въ ладоши даются три разныхъ объясненія. Одни считаютъ это выраженіемъ радости, другіе — призывомъ и, наконецъ, третьи — признакомъ почитанія. Послѣднее объясненіе даетъ умершій профессоръ Конака-мура, и оно больше всего распространено. По окончаніи этой церемоніи всѣ родственники приглашаются на торжественный обѣдъ, о которомъ покойный профессоръ Курита говоритъ въ своемъ сочиненіи объ „обрядахъ и вѣроисповѣданіяхъ“: „сбравшіеся родственники дѣлать освященные пряники, саке, принесенные въ жертву предкамъ, говорятъ о его заслугахъ, причемъ каждый присутствующій общается ни въ какомъ случаѣ не оскверняетъ имени предка“.

На буддійскихъ церемоніяхъ жертвоприношенія состоятъ изъ чая, риса, фруктовъ, пряниковъ и искусственныхъ или настоящихъ цвѣтовъ, главнымъ образомъ, цвѣтовъ лотоса. Въ числѣ жертвоприношеній нѣтъ рыбы и мяса, такъ какъ завѣтъ будды не убивать живыхъ существъ исключаетъ употребленіе мяса въ пищу. Производится ли эта церемонія на дому или въ храмѣ, —священники вездѣ руководятъ ею и цитируютъ тексты изъ священныхъ книгъ. Если она происходитъ въ храмѣ, то молитвы сопровождаются священной музыкой. Все собраніе попеременно куритъ ладанъ и преклоняется передъ алтаремъ въ томъ же порядкѣ, какъ у шинтоистовъ. Конечъ пражднества, въ сущности, не отличается отъ того, какъ это бываетъ у шинтоистовъ; съ тою только разницею, что вся пища исключительно растительная.

Кромѣ этихъ трехъ случаевъ, когда происходятъ церемоніи жертвоприношенія, есть еще три положенныхъ срока въ году, когда люди приносятъ жертвы душамъ умершихъ у себя дома и на ихъ могилахъ.

Это дни весенняго и осенняго равноденствія, называемые „хиганъ“, и празднество „урабонъ-іе“ или „бонъ“, которое длится съ 13 до 16 іюля. Въ праздникъ „хиганъ“ посѣщаютъ могилы родителей, у которыхъ происходятъ жертвоприношенія цвѣтами и водой. „Урабонъ-іе“ — праздникъ въ честь приглашенія душъ — празднуется во всякомъ буддѣйскомъ домѣ. За день до праздника „бонъ“ производится во многихъ мѣстахъ „кузахи“ или „бониhi“ для продажи предметовъ необходимыхъ для украшенія алтарей. 14 іюля посѣщаютъ могилы родственниковъ, куда приносятъ цвѣты и фонари и въ домахъ устраиваются „схоріо-дана“ или „алтари душъ“, украшенные разными растеніями и большими фонарями, называемыми „кирикодоро“. Вечеромъ 13 числа передъ входомъ въ домъ или въ садъ зажигается „мукай-би“, т. е. „привѣтственный огонь“, а вечеромъ 16 зажигается „окури-би“ или „прощальный огонь“. Всѣ вѣрятъ, что въ эти четыре дня души мертвыхъ приходятъ и остаются въ домѣ. Приглашаются священники для совершенія молитвъ и на жертвенникъ, посвященный умершей душѣ, кладутся приношенія въ видѣ риса, воды, фруктовъ, пряниковъ и овощей, изъ которыхъ самые замѣчательные это сдѣланные изъ яйцевидныхъ растеній быки, а изъ бѣлыхъ арбузовъ лошади, съ ногами изъ конопли. Порядокъ жертвоприношенія тщательно разработанъ; но въ подробности этого нечего вдаваться. Размѣры жертвоприношеній въ различные періоды установленныхъ церемоній, число священниковъ, которые руководятъ церемоніями, точно также, какъ величина и украшенія могилъ предковъ, — мѣняются соответственно чинамъ и состоянію людей. Въ началѣ 18 вѣка былъ изданъ новый законъ, который устанавливалъ число священниковъ въ 300 человекъ, число цитируемыхъ книгъ — до тысячи и продолжительность празднества — три или четыре дня. Эта реформа привела къ сокращенію расходовъ въ десять разъ меньше противъ прежнихъ. Эти факты доказываютъ только, какое важное значеніе придается культу предковъ, который не ограничивается только вышеупомянутыми торжествами. Когда молодой студентъ отправляется въ Европу заканчивать свое образованіе, когда солдатъ собирается на войну, когда чиновникъ получаетъ назначеніе за-границу, или когда купецъ предпринимаетъ большое дѣловое путешествіе: — всѣ они обязательно посѣщаютъ могилы своихъ предковъ, чтобы проститься съ ними. Если они живутъ въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ могилъ своихъ предковъ, то очень часто они предпринимаютъ большія путешествія исключительно затѣмъ, чтобы посѣтить ихъ и принести имъ жертвы. Въ домахъ многихъ шинтоистовъ ежедневно приносятся жертвы въ видѣ саке и вѣтокъ сакаки, а въ бутсудайнѣ непрерывно курится ладанъ. Фактически почитаніе душъ предковъ составляетъ часть повседневной жизни людей.

Культъ предковъ и законъ.

Связь между почитаніемъ предковъ и закономъ слѣдуетъ рассмотреть прежде всего. Основаніемъ нашей системы управленія послужить культъ предковъ; это доказываетъ слово „управленіе“, „матсури-гото“, что означаетъ „вопросы культа“. Церемонія „сеижи-хажиме“ или „начало государственныхъ вопросовъ“, которая имѣетъ мѣсто 4 января, заключается въ томъ, что императоръ слушаетъ докладъ своихъ министровъ о дѣлахъ храма Дайджингу, — перваго предка императора. Та-

кимъ образомъ, всѣ государственныя дѣла начинаются ежегодно съ того, что имѣетъ отношеніе къ культу предковъ. Даже послѣ введенія китайской цивилизаціи въ древнія времена и послѣ реформы эры Тайква въ 646—649 г. вѣдомству божественнаго культа было отдано предпочтеніе передъ другими правительственными вѣдомствами, даже передъ „джо-кванъ“ или государственнымъ совѣтомъ, который потомъ былъ реорганизованъ и переименованъ въ кабинетъ. Хотя теперь всѣ вопросы божественнаго культа улаживаются министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и императорскимъ дворомъ, все же во время каждой сессіи парламента представляются доклады о томъ, чтобы правительство возстановило департаментъ божественнаго культа.

Самые подробные распоряженія относительно обрядовъ культа можно найти въ старинныхъ кодексахъ, какъ, напр., въ кодексѣ Тайхо и Іенджи-Шики; и всѣ важныя государственныя дѣла, какъ, напримѣръ, провозглашеніе конституціи, объявленіе войны, мира и пересмотръ договоровъ съ иностранными державами прежде всего докладываются храму перваго предка императора въ Изе и иногда гробницамъ другихъ императорскихъ предковъ.

Когда Джинму-Тенно основалъ имперію и вступилъ на тронъ, торжество коронованія состояло въ молитвѣ императорскимъ предкамъ на горѣ Торими-Яма. При вступленіи на престолъ каждаго императора происходить церемонія, называемая „дайджо-сай“ или „онаме-номатсури“, обыкновенно въ первый день праздника Синсо-Саи—девятаго изъ упомянутыхъ выше праздниковъ, при которомъ новый императоръ приноситъ въ даръ своимъ предкамъ первые плоды даннаго года. § 2 устава императорскаго двора гласитъ: „торжество коронованія и дайджо-сай празднуется въ Кіото“; § 10 этого же устава предписываетъ, что послѣ смерти императора, наслѣдникъ его вступаетъ на престолъ и охраняетъ священные сокровища императорскихъ предковъ. Священные сокровища заключаютъ въ себѣ: вышеупомянутое зеркало, мечъ и драгоцѣнный камень, оставленный родоначальницей императорской семьи Аматерасъ-о-Миками своимъ потомкамъ, какъ символъ императорской власти.

Вышеупомянутые факты, относящіеся къ государственному устройству, въ достаточной мѣрѣ указываютъ на то, что верховная власть въ Японіи представляетъ собою наслѣдіе предковъ, и что въ основѣ государственнаго строя лежитъ культъ предковъ.

Народъ.

Народъ въ Японіи, какъ уже сказано было выше, дѣлился на три класса или три корпораціи, и каждый классъ распадался еще на многія колѣна. Каждое отдѣльное лицо имѣло „уджи“ или родовое имя, которое обозначало его происхожденіе отъ извѣстнаго предка. Каждый родъ, старшій или младшій,—имѣлъ своего главу, называемаго „уджи-но-ками“,—обыкновенно самаго старшаго потомка предковъ этого рода. Члены рода повиновались ему и почитали его, какъ представителя ихъ общихъ предковъ. Онъ былъ главой ихъ культа, ихъ полководцемъ въ военное время и повелителемъ во время мира. Члены младшаго рода находились подъ властью своего „уджи-но-ками“, который, въ свою очередь, повиновался „уджи-но-ками“ старшаго рода. Императоръ же былъ величайшимъ авторитетомъ надъ всѣми,

законы и объявленія императорскаго правительства передавались „уджи-но-ками“ старших родовъ, которые, въ свою очередь, передавали „уджи-но-ками“ младшихъ родовъ и, такимъ образомъ, каждый родъ, составлявшій, на основаніи родства и общаго культа, корпорацію представлялъ собою административную единицу страны, находящуюся въ полномъ соотвѣтствіи съ существующими административными дѣленіями на провинціи, города, округа и деревни.

Несмотря на то, что система власти каждаго рода еще долго существовала, все же со времени реформы эры Тайкwa основанія административныхъ дѣлений страны постепенно превратились изъ личныхъ въ территориальныя.

Домашній очагъ.

Въ средніе вѣка роды постепенно распадаются, и на ихъ мѣста выступаютъ семьи. Этотъ переходъ объясняется исторіей нашего закона регистраціи. Развитие этого закона распадается на три эпохи: 1) эпоху регистраціи родовъ, 2) регистраціи семей и 3) регистраціи отдѣльныхъ лицъ. Въ тѣ раннія времена, когда родъ составлялъ нѣчто общее съ государствомъ, было очень важно свято чтить родовое имя каждаго опредѣленнаго лица. Такъ какъ только принадлежащіе къ извѣстнымъ родамъ получали высокіе посты или принимались въ императорскую лейбъ-гвардію, и такъ какъ другими преимуществами пользовались опредѣленные роды, то часто дѣлались попытки оставить свой родъ и хитростью присвоить себѣ имя какаго-нибудь вліятельнаго рода. Чтобы положить конецъ этимъ злоупотребленіямъ, въ четвертомъ году, при императорѣ Инкю, установленъ былъ „судъ Божій съ горячей водой“ („куга-дахи“), чтобы узнать истинное и ложное родовое имя, которое носятъ люди. Этотъ Божій судъ состоялъ въ слѣдующемъ: передъ храмомъ какаго-нибудь божества заподозрѣнный въ неправильномъ присвоеніи родового имени долженъ былъ опустить руку въ горячую воду, и предполагалось, что тотъ, кто принялъ фальшивое родовое имя, вынетъ ее обваренной, а невинный вынетъ ее невредимой. Въ пятомъ году эры Тенпейхожи было основано бюро „Сенъ Шидзоку Ю“ для регистраціи родовъ и назначена коммиссія, въ которой принимали участіе самые знаменитые ученые того времени. Все таки, работа коммиссіи не была закончена. Съ того времени стали часто выходить императорскіе декреты, которыми приказывалось всѣмъ знатымъ родамъ страны представить правительству свои генеалогическіе документы, чтобы можно было ихъ внести въ императорскій архивъ.

Въ эти документы должно было быть внесено имя родоначальника семьи и имя того предка, отъ котораго пошелъ младшій родъ семьи; документы тѣхъ, которые увѣряли въ принадлежности своей къ знатному роду, должны были быть удостовѣрены подписью главы всего рода. Въ царствованіе императора Сага, въ шестомъ году эры Конинъ, основанъ былъ указатель родовыхъ именъ или „Сейши-Року“, часть котораго сохранилась и донынѣ. Этотъ указатель состоитъ изъ тридцати томовъ и заключаетъ въ себѣ 1182 родовыхъ имени. Въ томъ же году основано было бюро генеалогическихъ изслѣдованій. Сохраненіе генеалогическихъ документовъ и достовѣрность ихъ составляли въ то время предметъ вѣдчайшей важности и потеря или поддѣлка

ихъ доставляли романистамъ и драматургамъ богатый матеріалъ, какъ для западныхъ писателей потеря или поддѣлка завѣщанія.

Введеніе „ко-секи“, т. е. семейнаго указателя, относится къ 645 г., первому году эры Тайкка, когда въ системѣ правленія произведены были большія реформы.

Только въ 1898 г. (31 г. Мейджи) исторія семейнаго указателя вошла въ третью стадію развитія. Нынѣшній законъ, обнародованный въ 1898 г. и замѣнившій законъ 1871 г., носить названіе „Козеки-Хо“ („законъ семейнаго указателя“), но въ характерѣ закона произошла перемѣна, необходимая въ виду успѣховъ соціальной жизни страны.

Такимъ образомъ, до недавняго времени семья составляла корпорацію и законное единство съ государствомъ. Но со времени реставраціи 1868 года семейная система постепенно распалась, и въ настоящее время семья окончательно потеряла свой корпоративный характеръ. Въ прежнія времена только глава семьи могъ принять служебный постъ, служить въ арміи и владѣть собственностью. Но со времени реформы уже всѣ члены семьи могли занимать публичные посты, и благодаря реформѣ законовъ объ обязательной военной повинности глава семьи точно также, какъ и другіе члены ея, обязаны были нести воинскую повинность; въ то же время младшимъ членамъ семьи разрѣшено было заниматься торговлей и промышленностью и обладать на правѣ частной собственности всѣми видами движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ. Хотя семья, такимъ образомъ, потеряла въ глазахъ закона свою корпоративную прочность, она все же носитъ характеръ единой общины. Новый сводъ гражданскихъ законовъ, вошедшій въ силу въ 1898 г., разрѣшаетъ разъединяться членамъ одной семьи и, съ разрѣшенія главы семьи, основывать новую „вѣтвь семьи“ (§ 743 свода гражданскихъ законовъ), ибо законъ признаетъ стремленіе семьи къ индивидуализму, но, одновременно съ этимъ, онъ сильно заботится о дальнѣйшемъ существованіи семьи.

Въ § 744 предусматрѣно, что „предполагаемый законный наслѣдникъ главы семьи извѣстнаго рода не можетъ ни перейти въ другой родъ, ни основать новаго, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда является необходимость для потомства сохранить главную вѣтвь рода“. Предполагаемый законный наслѣдникъ есть *heres necessarius*, такъ какъ на немъ лежитъ обязанность слѣдовать главѣ своего рода и продолжать поддерживать культъ его. На этомъ основаніи онъ (или она) не имѣетъ права сдѣлаться членомъ другого рода посредствомъ брака, усыновленія или по другимъ причинамъ, ни основывать собственной семьи, исключая тѣхъ случаевъ, когда болѣе важный долгъ, какъ поддержаніе культа главной вѣтви рода, дѣлаетъ необходимымъ этотъ шагъ.

Бракъ.

Какъ институтъ, бракъ долженъ искать первоначальную причину своего признанія закономъ, въ культѣ предковъ. Государство признало бракъ и начало издавать законы въ защиту его, такъ какъ на него смотрѣли, какъ на средство поддержанія культа предковъ. Старинный законъ считалъ необходимымъ, чтобы семья размножалась, и бракъ представлялъ собою союзъ мужчины и женщины съ цѣлью имѣть наслѣдника, для того, чтобы не прерывался культъ предковъ.

Бракъ былъ средствомъ, а цѣлью было поддержаніе святыни. Самымъ большимъ несчастьемъ, какое только могло случиться съ человекомъ, было, если онъ умираетъ, не оставивъ послѣ себя сына, который могъ бы продолжать культъ своихъ предковъ и свой собственный. Менцій говоритъ: „есть три ужасныя вещи, изъ нихъ самая худшая: это не оставить послѣ себя потомства“. Въ „книгѣ любви дѣтей къ родителямъ“ Конфуцій говоритъ: „три тысячи поступковъ искупаются пятью наказаніями, но нѣтъ большаго проступка, какъ недостатокъ почтительности къ родителямъ“. Поэтому величайшимъ проступкомъ противъ ученія китайскаго философа, которое изучается у насъ въ теченіе болѣе тысячи лѣтъ, считается, если человекъ умираетъ безъ мужскаго потомства. Причина этого ученія ясна. Посмертное блаженство предковъ семьи зависѣло отъ точнаго выполненія фамиліальныхъ святынь. Поэтому долгомъ cadaго представителя семьи было предотвратить несчастье, дабы не угасла фамиліальная святыня. Твердымъ принципомъ нашихъ обычаевъ, вошедшимъ съ нѣкоторыми измѣненіями въ сводъ гражданскихъ законовъ (§ 750), было, что каждый членъ семьи—мужчина или женщина—можетъ вступить въ бракъ съ разрѣшеніемъ главы семьи.

Законъ „ко-риѳо“ (семейный законъ) кодекса Тайо требовалъ даже согласія дѣда и бабки, родителей и другихъ родныхъ, прежде чѣмъ бракъ могъ быть заключенъ. По § 751 новыхъ гражданскихъ законовъ верховный глава рода имѣетъ право исключить изъ семьи того члена ея, какой женился или какая вышла замужъ безъ его согласія даже черезъ годъ послѣ свадьбы, а если онъ или она посредствомъ брака вошли въ новую семью, то, въ случаѣ развода, ему или ей воспрещается вернуться въ семью. Относительно согласія родителей первое примѣчаніе къ § 772 опредѣляетъ: „для вступленія въ бракъ дѣти должны имѣть согласіе родителей, живущихъ въ одномъ домѣ съ ними. Но это правило не обязательно, для двадцатипятилѣтней женщины и тридцатилѣтняго мужчины“. Послѣдствія брака безъ родительскаго согласія установлены въ §§ 783 и 784. Отецъ или мать могутъ подать жалобу въ судъ о недействительности брака въ теченіе шести мѣсяцевъ съ того времени, какъ они узнали объ этомъ фактѣ.

Другой законъ, установленный передъ реставраціей 1868 г., ясно показываетъ, какъ смотрѣли на бракъ наши старые законы. У самураевъ или у военныхъ классовъ, прежде всего, долженъ былъ жениться старшій сынъ, какъ предполагаемый наслѣдникъ семейнаго главенства, или его старшій сынъ, долженствовавшій послѣ него сдѣлаться наслѣдникомъ, младшіе же сыновья не должны были заключать законныхъ браковъ. Женитьба являлась обязанностью всякаго верховнаго главы семьи и его вѣроятныхъ наслѣдниковъ, но младшіе сыновья въ этомъ не нуждались, такъ какъ у нихъ, очевидно, не было надежды сдѣлаться представителями рода. Поэтому они и назывались „геяцуми“ или „сожителями“.

Хотя китайскіе законы и философія усвоены были въ Японіи уже много вѣковъ тому назадъ, тѣмъ не менѣе знаменитый китайскій законъ, запрещающій браки между лицами одного колѣна, не нашелъ себѣ мѣста въ нашихъ старинныхъ кодексахъ, разработанныхъ по образцу китайскаго свода законовъ. Причина этого замѣчательнаго отступленія очевидно слѣдующая; для того, чтобы сохранился культъ кровныхъ родныхъ по отношенію къ ихъ предку, бракъ между лицами

одного колѣна, т. е. у которыхъ былъ одинъ родоначальникъ, поощрялся больше, чѣмъ бракъ съ особой изъ другого рода, такъ какъ потомки первыхъ будутъ имѣть въ своихъ жилахъ чистую кровь своего родоначальника. Это исключеніе изъ общаго свода китайскихъ законовъ кажется еще болѣе замѣчательнымъ, если мы вспомнимъ о запрещеніи усыновленія ребенка изъ другого рода, которое существовало и теперь существуетъ въ китайскихъ законахъ, и вошло безъ всякой перемѣны въ составъ нашихъ старыхъ законовъ.

Нѣкоторые изъ параграфовъ „Предписаній относительно браковъ въ императорской семьѣ“, опубликованныхъ 25 апрѣля 1900 г., называютъ тѣсную связь между бракомъ и культомъ предковъ:

§ 3. Если состоится соглашеніе относительно брака императора, то, прежде всего, должны быть извѣщены объ этомъ Кашико-Докоро (храмъ родоначальницы царскаго рода, Аматерасъ о-Миками), Кванрей-денъ (храмъ другого предка императора) и Шинъ-Денъ (храмъ, посвященный другимъ божествамъ); или же императорскій посолъ, который доставляетъ приношенія, долженъ быть посланъ въ Джингу (храмъ родоначальника императорскаго дома въ Изе) и къ могиламъ Джинму-Тенно (перваго императора и умершихъ родителей царствующаго императора).

§ 6. Бракосочетаніе императора должно быть возвѣщено, въ день его совершенія, въ храмахъ Кашико-Докоро, Кванрей-Денъ и Шинъ-Денъ.

§ 7. Церемонія бракосочетанія должна быть совершена, согласно предписанныхъ правилъ, передъ храмомъ Кашико-Докоро.

§ 9. По окончаніи церемоніи бракосочетанія императоръ и императрица должны представиться храмамъ Кванрей-Денъ и Шинъ-Денъ.

§ 12. По окончаніи церемоніи бракосочетанія императоръ и императрица должны представиться храму Джингу, гробницамъ Джинму-Тенно и родителей императора.

§ 15. Брачная церемонія ква-тайши (сына императора и предполагаемаго наслѣдника), кво-тайсона (внука императора, также предполагаемаго наслѣдника), шинно (мужской потомокъ императорскихъ сыновей вплоть до пра-правнуковъ) или во (мужскіе императорскіе потомки пятого поколѣнія) должно происходить передъ храмомъ Кашико-Докоро послѣ выполненія особыхъ формальностей.

§ 18. Правила §§ 3, 4, 5, 6, 9, 11 и 12 примѣняются и при бракосочетаніи ква-тайшей и кво-тайсоновъ.

§ 19. Правила §§ 5 и 9 примѣняются при бракосочетаніи шинно, а правила § 9 примѣняются при бракосочетаніи во.

Разводъ.

Въ семейныхъ законахъ (крійо) кодекса Тайхо перечисляются знаменитые семь поводовъ для развода. Въ кодексѣ сказано: чтобы покинуть жену, необходимо имѣть одинъ изъ семи нижеуказанныхъ поводовъ: 1) безплодіе, 2) нарушеніе супружеской вѣрности, 3) непослушаніе по отношенію къ свекру и свекрови, 4) болтливость, 5) варварство, 6) ревность, 7) скверную болѣзнь. Если имѣется на лицо одинъ изъ этихъ недостатковъ, то жена можетъ быть покинута; мужъ подписываетъ извѣстный документъ, на которомъ подписывается еще ближайшій родственникъ. Если кто-нибудь изъ нихъ не умѣетъ писать, то вмѣсто подписи, можетъ быть изображенъ отпечатокъ большого

пальца руки. Перечень поводовъ развода ясно показываетъ, что цѣль брака — поддержаніе культа. Первый поводъ для развода—безплодіе—не нуждается въ объясненіи. Комментаторы кодекса Тайхо утверждаютъ даже, что безплодіе понимается здѣсь не въ буквальномъ смыслѣ, а означаетъ собой только отсутствіе мужскихъ потомковъ. Такъ какъ бракъ заключался, такимъ образомъ, съ извѣстной цѣлью, то было вполне понятно, что союзъ расторгался, когда цѣль не достигалась. На мужчинѣ, дѣйствительно, лежала нравственная обязанность сдѣлать это ради своихъ предковъ.

Нарушеніе супружеской вѣрности у большинства націй признается поводомъ для развода, но причины такого признанія, приведенныя въ старыхъ и новыхъ законодательствахъ, значительно разнятся другъ отъ друга. По кодексу Тайхо зло заключалось не столько въ безнравственности поступка, сколько въ опасности возможности кровосмѣшенія, благодаря которому лицо, совершенно чуждое предку, можетъ попасть въ культъ.

Послѣдній поводъ, упомянутый въ кодексѣ Тайхо, можетъ быть приписанъ такой же причинѣ. Наслѣдственность нѣкоторыхъ болѣзней была давно извѣстна, и страхъ передъ тѣмъ, что кровь предка можетъ быть осквернена, служилъ причиной признанія неизлечимыхъ болѣзней поводомъ для развода.

Новый гражданскій кодексъ признаетъ два способа развода:— по взаимному соглашенію сторонъ и по суду. Первый производится по соглашенію сторонъ, а другой производится по закону въ зависимости отъ разныхъ причинъ, ясно обозначенныхъ въ § 813 свода законовъ. Большинство причинъ развода, приведенныхъ въ кодексѣ Тайхо, не приведены въ новомъ кодексѣ, зато двоеженство, нарушеніе супружеской вѣрности, злонамѣренное оставленіе, жестокость, грубое оскорбленіе—присужденіе къ наказаніямъ за опредѣленные проступки, какъ-то: обманъ, воровство, мошенничество, половая безнравственность, исчезновеніе изъ дому и т. д. служатъ главными поводами развода. Кромѣ упомянутыхъ поводовъ, разрѣшается еще разводъ посредствомъ суда въ томъ случаѣ, когда пріемный сынъ женится на дочери своихъ названныхъ родителей, а послѣдніе по какой нибудь причинѣ отказались отъ усыновленія. При этихъ условіяхъ мужъ вправѣ расторгнуть бракъ.

Если сравнить поводы развода, приведенные въ кодексѣ Тайхо съ тѣми, которые приводятся въ теперешнемъ кодексѣ гражданскихъ законовъ, то мы видимъ, что законъ о разводѣ значительно измѣнился, за исключеніемъ послѣдняго повода и что современный законъ имѣетъ очень мало общаго съ культомъ предковъ.

Усыновленіе.

Вѣроятно, ни въ какомъ отдѣлѣ юриспруденціи такъ ясно не обозначена связь между культомъ предковъ и закономъ, какъ въ законѣ объ усыновленіи. Если не было мужского потомства, то долгомъ главы семьи было пріобрѣсти себѣ наслѣдника актомъ усыновленія, такъ какъ существовалъ общепринятый обычай, по которому всякій заботился о поддержаніи культа предковъ.

Многія европейскія законодательства, разрѣшающія усыновленіе, устанавливаютъ возрастъ усыновленнаго; большая часть, какъ, напр., французское, итальянское, австрійское и нѣмецкое законодательства опредѣляютъ самый меньшій возрастъ въ пятнадцать лѣтъ.

Семейные законы нашего кодекса Тайхо говорятъ, что особа, „не имѣющая дѣтей“, можетъ усыновить кого-нибудь изъ дѣтей своей родни не дальше четвертой степені родства, возрастъ котораго не превышаетъ бы возраста сына, который могъ бы быть у усыновляющаго. Пока еще существуетъ надежда имѣть мужского наслѣдника, т. е. прямого потомка родоначальника, глава рода не долженъ разрѣшать лицу, находящемуся въ отдаленномъ родствѣ съ нимъ, быть преемникомъ культа. Этотъ законъ принялъ другую форму во времена сіюгуната рода Токугава. Чтобы устранить опасность исчезновенія рода благодаря внезапной смерти главы его, не имѣющаго сына, каждому мужчинѣ семнадцатилѣтняго возраста разрѣшалось усыновить кого-нибудь. Человѣкъ въ возрастѣ между 17 и 50 годами могъ даже на смертномъ одрѣ усыновить кого-нибудь, и это событіе называлось „кіу-іоши“, т. е. „быстрое усыновленіе“. Но если онъ не исполнилъ своего долга до пятидесятилѣтняго возраста, то ему грозила опасность нести страшное и ужасающее послѣдствіе—исчезновеніе его рода, если онъ умретъ безъ наслѣдниковъ, такъ какъ въ этомъ возрастѣ уже не разрѣшалось „кіу-іоши“. Запрещеніе усыновленія на смертномъ одрѣ не имѣетъ теперь силы и потому оно не внесено въ новый кодексъ. Наоборотъ, § 848 разрѣшаетъ усыновить кого-нибудь даже по завѣщанію. Старый и новый кодексы въ этомъ пунктѣ противорѣчатъ другъ другу, но духъ ихъ одинаковъ. Цѣль обоихъ заключается въ поддержаніи рода, а разница заключается въ слѣдующемъ: одинъ хотѣлъ заставить людей заблаговременно позаботиться о потомкахъ, налагая строгія кары за упущеніе этой предосторожности, между тѣмъ какъ второй прямо разрѣшаетъ усыновленіе въ видахъ предотвращения возможности угасанія рода.

Относительно наименьшаго предѣльнаго возраста усыновляемаго законы сіюгуната Токугава и нашего новаго гражданскаго кодекса сходятся въ томъ, что какъ тѣ, такъ и другіе даютъ просторъ акту усыновленія. Кодексъ Тайхо поставилъ предѣломъ шестьдесятъ лѣтъ, но законы сіюгуната Токугавы разрѣшали и поощряли всякаго бездѣтнаго человѣка уже въ семнадцать лѣтъ и даже, съ разрѣшенія главы рода, еще раньше, усыновить наслѣдника, а § 837 новаго гражданскаго кодекса разрѣшаетъ всякому, достигшему совершеннолѣтія, усыновить кого-нибудь. Относительно разницы лѣтъ, какая должна быть между усыновляющимъ и усыновляемымъ, кодексъ Тайхо требуетъ, „чтобы они могли быть отцомъ и сыномъ“. Во времена сіюгуната Токугава требовалось только, чтобы усыновляющій былъ старше своего приѣмнаго сына, но, съ особаго разрѣшенія, часто бывали уклоненія отъ этого правила благодаря предписанію, разрѣшающему главѣ рода усыновленіе въ семнадцать лѣтъ и благодаря другому, по которому можно усыновить кого-нибудь, въ возрастѣ старше сына. § 838 новаго гражданскаго кодекса опредѣляетъ, что никому нельзя усыновлять того, кто старше его самого, но за то можно усыновлять всякаго, кто моложе.

Что касается возраста усыновляемаго, то въ нашихъ законахъ нѣтъ установленнаго предѣла. Въ § 843 новаго гражданскаго кодекса говорится: если усыновляемое лицо моложе пятнадцати лѣтъ, то согласіе дается его (или ея) родителями.

Цѣлью усыновленія было поддержаніе культа предковъ; это слѣдуетъ изъ стариннаго суроваго закона, по которому только родствен-

никъ можетъ быть усыновленъ. Кодексъ Тайхо ограничивалъ родство до четвертой степени. Изъ того, что у насъ сохранилось отъ уголовного кодекса Тайхо, мы видимъ, что тотъ, который усыновилъ кого-нибудь изъ чужого рода, присуждается къ тюремному заключенію на одинъ годъ, а помогавшій ему въ этомъ — къ пятидесяти ударамъ розгой. Это запрещеніе усыновлять некровного родственника имѣло силу до эпохи сіюгуна Токугава. Оно основывается на повѣрьи, что „душа не принимаетъ жертвъ отъ чужихъ“.

Въ первомъ году эры Генна вошелъ въ силу законъ, согласно которому можно было усыновлять лицъ имени одного рода, т. е. потомковъ родоначальника семьи усыновляющаго. Этого закона и закона о „быстромъ усыновленіи“ такъ строго придерживались, что многіе семьи феодаловъ вымерли благодаря отсутствію наслѣдниковъ; они лишились своихъ владѣній, а цѣлыя тысячи ихъ вассаловъ или самуравъ“ лишились своего содержанія. Поэтому бывало такъ, что „ро-нины“ или военные люди, лишившіеся своей службы у феодаловъ и не умѣвшіе или не желавшіе добывать себѣ средства къ существованію посредствомъ земледѣлія или торговли, становились бунтовщиками, часто поднимали мятежи и принимали участіе въ гражданскихъ войнахъ, которыя неоднократно бывали въ началѣ сіюгуната Токугава. Правительство скоро замѣтило, что для умиротворенія страны нужно было смягчить суровый законъ объ усыновленіи. Въ 1651 г., т. е. въ четвертомъ году эры, Кейнъ, сейчасъ же послѣ знаменитаго заговора Ю-но Шосетсу для сверженія сіюгуна Токугава, законъ объ усыновленіи былъ значительно смягченъ. Съ этого времени усыновленіе членовъ чужой семьи было строго воспрещено, но измѣненный законъ опредѣлилъ, что человекъ, не имѣвшій сына, могъ усыновить кого-нибудь изъ своего рода; въ случаѣ же, если такового не найдется, онъ могъ получить разрѣшеніе усыновить члена другого рода. Хотя законъ объ усыновленіи нѣсколько разъ былъ пересмотрѣнъ и измѣненъ къ лучшему, но, въ основаніи своемъ, онъ оставался неизмѣннымъ въ теченіе больше двухсотъ лѣтъ до конца эпохи сіюгуна Токугавы. Строгій законъ объ усыновленіи непремѣнно члена одного рода на дѣлѣ потерялъ свое значеніе благодаря вышеозначенному условію и поэтому не былъ внесенъ въ новый кодексъ.

Другая необходимость для усыновленія—это полное отсутствіе мужского потомства. Семейный законъ кодекса Тайхо только въ томъ случаѣ разрѣшалъ усыновленіе, когда кто-нибудь не имѣлъ сына. Этотъ законъ одинаково соблюдался какъ въ прежнія времена, такъ и въ наши, и новый гражданскій кодексъ вновь принялъ его, хотя съ нѣкоторыми смягченіями. § 839 опредѣляетъ, что „тотъ, у кого есть сынъ, т. е. предполагаемый законный наслѣдникъ верховнаго главы, не долженъ усыновлять еще одного сына. Но законъ не препятствуетъ, когда лицо усыновляется съ цѣлью женитьбы его на дочери усыновляющаго“.

Существуетъ такого рода усыновленіе, которое называется „муко-йоши“ или усыновленіе зятя. Какъ уже упоминалось, законъ считалъ человека бездѣтнымъ, даже если у него есть дочь. Только мужчины были носителями культа, такъ какъ прежде существовалъ строгій законъ, по которому только мужчины считались главами рода и могли быть носителями культа. Поэтому тѣ, у кого были дочери, обязаны были усыновить сына, но для сохраненія крови предка, надо было, по

возможности выбрать кого-нибудь изъ своей семьи. Въ такихъ случаяхъ верховный глава рода выбиралъ въ приемные сыновья такого человека, который былъ бы подходящимъ мужемъ для дочери. Если церемоніи усыновленія и бракосочетанія происходили одновременно, то это называлось „муко-йоши“. Эта форма усыновленія очень распространена и признается Новымъ Гражданскимъ Кодексомъ въ § 839.

Бракъ между приемнымъ сыномъ и дочерью усыновляющаго можетъ послѣдовать и послѣ акта усыновленія; хотя § 769 Гражданскаго Кодекса и запрещаетъ браки между косвенными родственниками третьей степени родства, но такое же родство между приемнымъ сыномъ и дочерью усыновляемаго не составляетъ препятствій для брака. Лицо, имѣющее дочь, часто усыновляетъ кого-нибудь въ надеждѣ, что тотъ женится современнымъ на его дочери и, въ большинствѣ случаевъ, надежды эти оправдываются. Въ томъ случаѣ, когда стороны не желаютъ этого брака, усыновленіе расторгается или потому, что приемный сынъ самъ считаетъ своимъ долгомъ покинуть домъ, чтобы дочь могла остаться и выйти замужъ за другого приемнаго сына и такимъ образомъ сохранить кровь своихъ предковъ, или же потому, что приемный отецъ желаетъ этого расторженія по тѣмъ же причинамъ.

Цѣль усыновленія — доставить приемному сыну такое же положеніе, какъ и своему законному (§ 860 Гражд. Код.). Онъ отказывается отъ своей семьи и ея культа и вступаетъ въ домъ приемныхъ родителей, принимая ихъ фамилію и имя ихъ рода (§ 860, 861 Гражд. Код.). Послѣдствіемъ того, что онъ занимаетъ мѣсто родного сына и вступаетъ въ семью своихъ приемныхъ родителей, является то, что онъ становится предполагаемымъ законнымъ наслѣдникомъ главенства рода.

Послѣ того, что я констатировалъ выше, можно считать установленнымъ, что обычай усыновленія произошелъ отъ обычая культа предковъ, и чѣмъ глубже вѣра въ это вкоренилась въ народѣ, тѣмъ больше просторъ, дозволенный закономъ. Расторженіе усыновленія доказываетъ то же самое. Гражданскимъ Кодексомъ признаются два способа расторженія усыновленія: по соглашенію и по суду.

Усыновленіе можетъ быть расторгнуто на любомъ основаніи, если обѣ стороны приходятъ къ какому-нибудь соглашенію; но для принудительнаго расторженія усыновленія должна быть, отъ имени одной изъ сторонъ, представлена жалоба, на основаніи приведенныхъ въ § 866 Гражд. Код. поводовъ. Я назову только два повода для расторженія, имѣющіе прямое отношеніе къ культу предковъ. Одинъ изъ нихъ слѣдующій: „если усыновленное лицо совершить тяжкій проступокъ, который можетъ повредить имени или состоянію приемной семьи, то приемный отецъ имѣетъ право подать прошеніе о расторженіи акта усыновленія; основаніемъ для этого закона служить святость имени, и расторженіе этого союза является не только законнымъ правомъ, но и религіознымъ. Домъ усыновляющаго принадлежитъ не только ему или приемному сыну его,—онъ принадлежитъ также предкамъ, отъ которыхъ его унаслѣдовалъ, съ тѣмъ, чтобы оставить его своимъ потомкамъ. Долгъ cadaго главы семьи сохранить его и оставить его невредимымъ.“

Второй поводъ для расторженія относится къ „муко-йоши“, или усыновленію зятя, и допускается только въ случаѣ брака приемнаго сына съ „кайо“, или „дочерью семьи“. Если приемный сынъ женится на дочери своего приемнаго отца и если потомъ случится разводъ или

объявление брака недѣйствительнымъ, то одна изъ сторонъ имѣетъ право подать прошеніе о расторженіи усыновленія (§ 866 Гражд. Код.) Этотъ послѣдній законъ основывается на томъ, что если пріемный сынъ, являющійся, въ большинствѣ случаевъ, предполагаемымъ законнымъ наслѣдникомъ всего, остается въ принявшей его семьѣ и возьметъ себѣ жену изъ чужого рода, то кровь этого рода не можетъ сохраниться чистой. „Усыновленіе зятя“, какъ я уже говорилъ, было обычаемъ, основаннымъ на желаніи сохранить для семьи чистую кровь предковъ, и расторженіе брака дочери съ пріемнымъ сыномъ мѣшало намѣреніямъ усыновляющаго

Порядокъ наслѣдованія.

Законъ наслѣдованія, очевидно, пережилъ три стадіи развитія: 1) наслѣдованіе семейной святыни, 2) наслѣдованіе положенія и 3) наслѣдованіе имущества. Каждая стадія развитія представляла собою не замкнутый періодъ; но каждый послѣдующій развился постепенно, процессомъ дифференціаціи, изъ предыдущаго. Въ прежнія времена на обязанности главы рода лежало охраненіе и поддержаніе культа предковъ, а семейное имущество принадлежало цѣликомъ также ему. Онъ пользовался авторитетомъ у членовъ своей семьи, такъ какъ онъ былъ „носителемъ культа предковъ“ и, въ извѣстномъ смыслѣ, представителемъ родоначальника. Ему принадлежало имущество, такъ какъ оно было оставлено родоначальникомъ, „авторитетъ и имущество главы семьи основывались на культѣ предковъ“. Въ тѣ времена поддержаніе культа предковъ составляло единственную цѣль наслѣдства. Но съ теченіемъ времени авторитетъ главы семьи, который сначала имѣлъ власть надъ членами семьи и надъ ея имуществомъ, былъ признанъ закономъ. Впослѣдствіи на оба эти значительныя права главы семьи начали постепенно смотрѣть, какъ на отдѣльныя и самостоятельныя, пока, наконецъ, собственность начала считаться отдѣльнымъ предметомъ наслѣдства.

Въ законѣ о наслѣдствѣ въ кодексѣ Тайхо есть постановленіе, по которому предполагаемый наслѣдникъ знатной семьи, если онъ, благодаря какому-нибудь проступку или болѣзни, не въ состояніи принять на себя „значительной обязанности“, лишается наслѣдства и, вмѣсто него, назначается другой наслѣдникъ. Официальный комментаторъ этого кодекса Нійо-но-гиге говоритъ: „взять на себя значительную обязанность“ значитъ „слѣдовать по стопамъ отца и наслѣдовать святыню, такъ какъ культъ—важнѣе всего“. Очевидно, что въ это время продолженіе культа предковъ составляло главную цѣль наслѣдованія. Начиная съ среднихъ вѣковъ, выраженіе „катоку-соцокү“ (т. е. „Наслѣдованіе семейнаго авторитета“), и въ періодъ феодальной системы (особенно въ эпоху сіюгуната Токугавы) наслѣдованіе представляло собою продолженіе положенія главы семьи. Позже словомъ „катоку“, буквальное значеніе котораго — „семейный авторитетъ“, — обозначали часто „родовую собственность“, составляющую объектъ наслѣдства, точно такъ же, какъ слово „Familia“ часто употреблялось въ римскихъ законахъ для обозначенія собственности. Это измѣненіе въ употребленіи слова „катоку“ обозначаетъ, что законъ о порядкѣ наслѣдованія постепенно перешелъ изъ второй упомянутой стадіи въ третью.

Нашъ нынѣшній законъ представляетъ собою переходную стадію въ наслѣдованіи собственности. Новый Гражданскій Кодексъ признаетъ два вида наслѣдованія: — наслѣдованіе семейнаго главенства, или „катоку-сопоку“, и наслѣдованіе собственности, или „изанъ-сопоку“. Но есть еще много законовъ, доказывающихъ, что наслѣдованіе семейнаго главенства означаетъ продолженіе поддержанія культа предковъ. Въ § 987 заключается слѣдующее правило: „право собственности генеалогическихъ потомковъ семьи на предметы, необходимые для семейнаго культа, и на семейныя гробницы составляетъ особое право наслѣдованія верховнаго главенства семьи“. Это важное правило означаетъ, что указанные выше предметы составляютъ спеціальные объекты наслѣдства. Они не могутъ быть завѣщаемы чужимъ и не могутъ быть опечатаны за долги. Новый Гражданскій Кодексъ признаетъ четыре вида наслѣдниковъ главенства рода: „законнаго наслѣдника“, „назначеннаго наслѣдника“, „избраннаго наслѣдника“ и „родственнаго наслѣдника“.

Законный наслѣдникъ—первый по порядку потомства—есть прямой потомокъ главы семьи и въ то же время членъ своего рода. Изъ числа прямыхъ наслѣдниковъ ближайшіе родственники предпочитаютъ дальнимъ, мужчины—женщинамъ, законныя дѣти—незаконнымъ, при чемъ предпочтеніе отдается старшимъ, если во всѣхъ другихъ отношеніяхъ они находятся въ одинаковомъ положеніи (§ 970 Гражд. Код.). Современные историки полагаютъ, что основаніемъ для предпочтенія ближайшихъ родственниковъ болѣе далекимъ служитъ то, что очередь наслѣдованія опредѣляется степенью привязанности, которую, несомнѣнно имѣлъ покойный по отношенію къ своимъ роднымъ, и вѣроятными намѣреніями лица, умирающаго безъ завѣщанія, относящимися къ его имуществу. Въ пользу предпочтенія мужскихъ наслѣдниковъ женскимъ говорятъ основы феодализма. Эти основы составляютъ главную сущность нашихъ современныхъ законовъ. Но здѣсь, опять-таки, источники существованія и происхожденія закона различны. Первоначально предпочтательны были ближайшіе кровные родственники почтаемаго родоначальника и ихъ мужскіе потомки только потому, что существовало убѣжденіе, что они являются самыми подходящими людьми для принесенія жертвъ въ честь своихъ предковъ.

„Законные наслѣдники“—это „необходимые“ наслѣдники; они не могутъ отказаться отъ своего права наслѣдованія, между тѣмъ какъ другіе наслѣдники въ правѣ принять наслѣдство или отказаться отъ него, или же принять его съ оговоркой, что они не отвѣчаютъ за долги своихъ предшественниковъ. Законные наслѣдники должны и обязаны принять наслѣдство и поддерживать семейную святыню. Глава семьи долженъ завѣщать имъ не меньше половины состоянія (§ 1130 Гражд. Код.); онъ также не можетъ лишить ихъ наслѣдства, если не существуетъ повода, указаннаго въ § 975 Гражданскаго Кодекса. Главные поводы слѣдующіе: 1) дурное поведеніе или оскорбленіе главы семьи, 2) непригодность для званія семейнаго главы вслѣдствіе физическихъ или душевныхъ недуговъ, 3) присужденіе къ наказанію за проступокъ, обезчестившій семью и 4) лишеніе правъ за мотовство.

По указаннымъ выше причинамъ глава семьи имѣетъ основаніе подать жалобу на своихъ предполагаемыхъ законныхъ наслѣдниковъ съ намѣреніемъ лишить ихъ правъ на наслѣдство. Всѣ упомянутые въ сводѣ зако-

новъ поводы прямымъ или косвеннымъ образомъ относятся къ необходимости сохранить доброе имя и имущество семьи.

На случай неимѣнія законнаго предполагаемаго наслѣдника семейнаго главенства, завѣщатель можетъ избрать себѣ наслѣдника при жизни или назначить его по завѣщанію. Но все это теряетъ свое значеніе, какъ только у него является законный наслѣдникъ или если онъ усыновляетъ кого-нибудь, такъ какъ въ этомъ случаѣ послѣдній становится законнымъ наслѣдникомъ его (§ 979 Гражд. Код.)

Если послѣ смерти главы рода нѣтъ въ виду законнаго наслѣдника, то выступаетъ отецъ умершаго, или, если его нѣтъ въ живыхъ, или онъ неспособенъ высказать свое мнѣніе, — выступаетъ мать; если же вообще у него нѣтъ родителей, или если они не могутъ высказать свое рѣшеніе, то созывается семейный совѣтъ, избирающій наслѣдника изъ среды членовъ семьи въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) жену, если она „дочь этой семьи“, 2) братьевъ, 3) сестеръ, 4) оставшуюся въ живыхъ жену, если она не „дочь семьи“, и, наконецъ, 5) потомковъ по прямой линіи отъ братьевъ и сестеръ (§ 982 Гражд. Код.).

Въ этомъ также ясно замѣтно желаніе сохранить въ чистотѣ кровь предковъ. Вдова послѣдняго главы рода, прежде всего, выступаетъ на очередь, если она „дочь этой семьи“, но если она не кровная родственница предковъ этого дома, то она на четвертомъ планѣ. Если же нѣтъ законнаго, — ни назначеннаго, ни избраннаго, наслѣдника, — то на очередь выступаетъ ближайшій по прямой линіи потомокъ послѣдняго главы семьи, при чемъ всегда предпочитаютъ мужскіе потомки женскимъ изъ среды лицъ одинаковой степени родства (§ 984 Гражд. Код.).

Если же нѣтъ никого изъ вышеуказанныхъ родственниковъ, то семейный совѣтъ долженъ выбрать кого-нибудь изъ среды дальнихъ родственниковъ послѣдняго главы семьи или изъ членовъ главной или боковой вѣтви семьи. Если среди послѣднихъ не находится подходящаго наслѣдника, или если онъ неспособенъ вступить во владѣніе наслѣдствомъ, то семейный совѣтъ долженъ прибѣгнуть, какъ къ послѣднему средству, — къ избранію наслѣдника изъ чужаго рода (§ 985 Гражд. Код.).

По одному этому перечисленію разнообразныхъ родовъ наслѣдниковъ можно судить о томъ, какъ старалось законодательство предотвратить случайное вымираніе семьи, такъ какъ одновременно съ исчезновеніемъ рода исчезаетъ и культъ предковъ.

Глава XV.

Финансы ¹.

I. Исторія развитія финансовъ.

Графа Инуйе ²

Чтобы должнымъ образомъ понять экономическое и финансовое состояніе Японіи, необходимо возвратиться къ началу настоящей эры и прослѣдить ростъ разнообразныхъ причинъ, создавшихъ, въ конечномъ результатѣ, нынѣшнее положеніе страны. До возстановленія полнотѣнственнаго императора страна фактически управлялась наслѣдственнымъ феодальнымъ главой Токугавой, императору же только номинально принадлежала исполнительная власть. Въ эту эпоху налоги платились рисомъ, а цѣнность земли и всякой другой собственности измѣрялась количествомъ коку риса. Мѣдная монета употреблялась только для уплаты налоговъ на землю, не производившую риса, — напр., на лѣсныя угоды и т. п. Феодальные начальники провинцій, подчиненныхъ верховному управленію Токугавы, владѣли огромными участками земли и взимали налогъ рисомъ съ населенія, ввѣреннаго ихъ управленію и покровительству. Они же выпускали въ своихъ провинціяхъ бумажныя деньги.

Въ моментъ перехода власти въ руки императора финансовое положеніе страны было далеко незавиднымъ. Правительство не имѣло достаточнаго количества денегъ для оборота, и потому пришлось выпустить бумажныя деньги для покрытія расходовъ по управленію. Налоги все еще уплачивались рисомъ, а такъ какъ цѣна этого продукта подвержена была большимъ колебаніямъ, то и государственные доходы не отличались устойчивостью. Съ другой стороны, членами новаго правительства были преимущественно люди, привыкшіе смотрѣть на войну, какъ на профессію. Естественнo, такіе люди не очень много смыслили въ вопросахъ экономики и финансовъ.

Настроеніе народныхъ вождей до реставраціи было крайне враждебно иностранцамъ, и пальба южныхъ князьковъ по иностраннымъ кораблямъ была лишь вышнимъ выраженіемъ чувствъ всей націи. Но послѣ реставраціи въ сознаніи японцевъ укрѣпилась мысль, что успѣшно бороться съ иностранцами возможно не иначе, какъ перенявъ ихъ приемы. Первоначально враждебное иностранцамъ настроеніе пи-

¹ Текстъ финансового закона помѣщенъ въ приложеніи Д.

² Графъ Инуйе занималъ почти всѣ высшія государственныя должности и является величайшимъ авторитетомъ по вопросамъ финансовъ и экономики Японіи.

талось главнымъ образомъ ученіемъ китайскихъ философовъ. Реакція была велика, и европеизація страны совершалась съ бурной энергіей. При управленіи Токугавы японскимъ подданнымъ запрещалось даже уѣзжать изъ отечества. Мнѣ, однако, удалось, въ сообществѣ съ маркизомъ Ито и тремя другими молодыми людьми, добраться до Лондона, лѣтъ сорокъ тому назадъ, за четыре года до реставраціи. Возвратившись на родину, мы горячо ратовали за введеніе въ Японіи западныхъ приемовъ культуры. Мало-по-малу, реакція стала слабѣть, и все было перестроено по европейскому образцу: — народное образованіе, суды, войско и флотъ, и т. д. Исторія этого періода представляетъ ту особенность, что высшіе классы общества гораздо быстрѣ двигались по пути прогресса, чѣмъ низшіе, и что скелетъ и внѣшняя оболочка болѣе сложной и культурной государственной системы возникли въ Японіи прежде, чѣмъ успѣли развиться соотвѣтствующіе мускулы и сосуды. Такъ, уже были учреждены новые суды, между тѣмъ какъ гражданское уложеніе и уголовные законы оставались еще непересмотрѣнными. Таковы были оригинальныя черты состоянія страны въ началѣ новой эры.

Обратившись къ финансовой сторонѣ положенія, мы, прежде всего, поражаемся, до какой степени неудовлетворителенъ былъ способъ собиранія доходовъ. Каждый феодальный князекъ вводилъ свои приемы и свои налоги. Кромѣ того, какъ было уже сказано, налоги платились рисомъ. Вполнѣ естественно, что при такихъ условіяхъ внезапная и обширная реформа требовала огромныхъ расходовъ; съ другой же стороны, доходъ поступалъ крайне неправильно благодаря плачевному состоянію финансовъ. Еще больше запутывали финансы всевозможные бумажные знаки, усиленно циркулировавшіе въ странѣ. Когда различныя отрасли управленія были реформированы по европейскимъ образцамъ, то расходы опредѣлились въ постоянныхъ и чувствительныхъ цифрахъ. Между тѣмъ, покрывать ихъ предстояло изъ непостоянныхъ и неопредѣленныхъ источниковъ дохода. Такое положеніе вещей не могло долго существовать, и въ третьемъ году эры мейджи (1870) феодальная система была уничтожена, а земли феодальныхъ князей перешли въ непосредственное завѣдываніе правительства. Различныя бумажныя деньги были собраны вмѣстѣ, и выпускъ ихъ былъ сосредоточенъ въ императорскомъ правительствѣ.

Министерствомъ финансовъ управлялъ въ это время покойный маркизъ Окубо, а я и баронъ Шибусава были товарищами министра. Расходы продолжали быстро расти, а правительство не проявляло склонности принять необходимыя мѣры къ покрытію этихъ расходовъ и къ урегулированію прогрессивнаго развитія страны. Общество какъ бы пьянѣло отъ наплыва европейскихъ идей. Таково было положеніе вещей въ это время. Между тѣмъ, мы съ товарищемъ держались совершенно противоположнаго взгляда, а именно, что необходимо предпринять какой-нибудь рѣшительный шагъ, пока еще не поздно. Кончилось тѣмъ, что въ 1873 г. мы вышли въ отставку, оставивъ мемурандумъ съ изложеніемъ мѣръ, какія мы полагали необходимыми для упорядоченія финансоваго положенія.

Въ управленіе министерствомъ финансовъ вступилъ графъ Окума, потратившій много усилій на то, чтобы поддержать курсъ бумажныхъ денегъ, выпущенныхъ государствомъ. Всѣ надежды на успѣхъ были, однако, разрушены возстаніемъ Кагوشيмы, вызвавшимъ необходимость

въ новыхъ выпускахъ билетовъ. Въ 1881 г., когда министромъ финансовъ сдѣлался графъ Матсуката, стало положительно необходимымъ принять рѣшительныя мѣры къ выкупу бумажныхъ обязательствъ. На этомъ сходились всѣ партіи,—до того очевидна была опасность. Въ этомъ году за серебряную іену давали 80 сеновъ ассигнаціями. Рѣшено было довести бумажныя деньги въ теченіе шести лѣтъ до номинальнаго курса, и уже въ концѣ четвертаго года — въ 1885 г. — эта задача была выполнена, и финансовое положеніе улучшилось.

Европеизація высшихъ слоевъ общества, параллельно съ тѣмъ, что низшіе оставались незатронутыми ею, обусловила много неурядицъ и тревогъ. Народъ громко и единодушно требовалъ участія въ управленіи, и въ 1880 г. ему была обѣщана конституція. Маркизь Ито былъ посланъ за границу со спеціальной миссіей — изучить различныя формы правленія и конституціонное право. По возвращеніи онъ составилъ проектъ нынѣшней конституціи Японіи. Она была объявлена въ 1889 г., но вначалѣ оказалась не весьма удачною, да и теперь врядъ ли дѣйствуетъ успѣшно, что объясняется, главнымъ образомъ, неподготовленностью народа къ непривычному для него участию въ управленіи и законодательствѣ. Такъ, напримѣръ, въ глазахъ многихъ депутатовъ мѣстные интересы перевѣшивали общенациональныя. Между правительствомъ и парламентомъ постоянно происходили пререканія, а вслѣдствіе этого и частыя смѣны кабинетовъ, что затрудняло возможность провести прочныя и благоразумныя мѣропріятія для блага Японіи. Въ это время вполнѣ назрѣлъ вопросъ о переустройствѣ государства, а, слѣдовательно, и о конституціи; японцами овладѣла чуть не манія законодательства по самымъ разнообразнымъ поводамъ. Изъ Европы была заимствована система муниципальнаго управленія, всѣ стороны народной жизни переустроены на новыхъ началахъ. Это былъ тотъ періодъ, когда низшіе классы общества еще больше жаждали прогресса, чѣмъ высшіе. И, вотъ, изъ разныхъ странъ были заимствованы всевозможныя законы, вѣрнѣе, цѣлый рядъ законовъ, вводившихся въ дѣйствіе при помощи французскихъ, нѣмецкихъ или англійскихъ юристовъ. Необходимымъ слѣдствіемъ этого явилось то, что различныя части нашей правовой системы оказались несостоятельными и даже противорѣчащими одна другой.

Такъ какъ европеизація страны совершалась съ чрезвычайной стремительностью, то можно было ожидать, что иностранныя державы охотно согласятся и на досрочный пересмотръ договоровъ, но на дѣлѣ было не такъ. Во время первой конференціи представителей иностранныхъ державъ, связанныхъ съ Японіей договорами, я былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, и моимъ завѣтнымъ желаніемъ было возстановить тарифную автономію Японіи. Мнѣ казалось крайне необходимымъ имѣть возможность покровительствовать нашей промышленности, когда въ томъ окажется надобность. Ознакомившись съ господствовавшими во всемъ мірѣ системами, я убѣдился, что онѣ тяготеютъ къ покровительственнымъ тарифамъ. Видное исключеніе составляла Англія, какъ извѣстно, слѣдующая началамъ свободной торговли. И мнѣ казалось простою справедливостью позволить Японіи подражать примѣру другихъ націй и воздвигать тарифныя заставы, если онѣ ей понадобятся. Но иностранные представители, стремившіеся, каждый въ отдѣльности, извлечь возможно больше выгодъ для своей страны, отказались возвратить Японіи автономію въ тарифныхъ дѣлахъ. Поэтому

я оставилъ свой постъ, не имѣя возможности устроить дѣла къ наибольшему благу Японіи.

Въ 1894 г. началась война съ Китаемъ, которую можно назвать побѣдоносной, если принять во вниманіе поведеніе арміи и флота и полученіе нами контрибуціи въ 350 милліоновъ іенъ. Любопытно, что самая величина контрибуціи способствовала развитію взгляда, что побѣдоносная война мѣжетъ чуть ли не разорить побѣдителя. До этой контрибуціи въ финансовомъ управленіи Японіи не было даже и помину о сотняхъ милліоновъ іенъ. Доходъ достигалъ только 80.000.000 іенъ. И потому мысль о приливѣ въ страну 350.000.000 іенъ вызывала и въ правительственныхъ кругахъ, и у частныхъ лицъ ощущеніе безграничнаго богатства. Всѣ отрасли управленія были чрезмерно расширены, какъ производительныя, такъ и непроизводительныя. Огромныя суммы денегъ, прилившія въ страну, не принесли ей пользы; онѣ скорѣе повредили ей, вызвавъ лихорадочный ростъ промышленныхъ предпріятій. Въ дѣйствительности звонкая монета быстро отливалась изъ страны, чему содѣйствовало и правительство, и частныя лица. Возникшія промышленныя предпріятія разсчитывали исключительно на внѣшнюю поддержку, и лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ развивали какое-нибудь изъ естественныхъ богатствъ страны. Нужно замѣтить, что изъ расходовъ на желѣзныя дороги и текстильную промышленность 40% и 70% ушли звонкой монетой за границу на покупку машинъ и т. п. Такимъ образомъ, изъ Японіи ушла не только контрибуція, но и сверхъ нея много денегъ. Таковы были результаты побѣдоносной войны.

Во время франко-прусской войны я находился въ Лондонѣ и вскорѣ послѣ объявленія мира посѣтилъ Берлинъ. Тамъ я засталъ все въ цвѣтущемъ состояніи, насколько можно было судить по внѣшности. Цѣны за комнату, которую до войны можно было нанять за 5 іенъ, теперь поднялись до 25 іенъ. Огромная контрибуція произвела въ Германіи такое же дѣйствіе, какъ и китайская контрибуція въ Японіи. Черезъ четыре года въ Германіи начался упадокъ, сказавшійся крахомъ множества банковъ и другихъ предпріятій, возникшихъ какъ слѣдствіе войны. Вскорѣ большая часть контрибуціи уплыла изъ Германіи и вернулась во Францію. Изъ Японіи же деньги ушли, вмѣсто одной, къ четыремъ или пяти націямъ, но во всемъ остальномъ положеніе было аналогично до тождества. Была только крупная разница между образомъ дѣйствій нѣмцевъ въ эпоху упадка, и японцевъ—въ тотъ же періодъ. Этимъ различіемъ объясняется то, почему Германіи легче было пережить трудное время, чѣмъ Японіи. Германія была задавлена режимомъ Наполеона и доведена до такой ужасающей бѣдности, что населеніе не могло не научиться соблюдать величайшую экономію. Перспектива долгой войны съ Франціей и сопряженныхъ съ нею расходовъ также поощряла, если не прямо требовала экономіи. Нѣмецкая система воспитанія была очень сурова. Такимъ образомъ, нѣмцы могли сократиться, когда окончилось ихъ благополучіе, и вернуться къ стариннымъ привычкамъ воздержности. Притомъ же во времена процвѣтанія Германіи было основано немало заводовъ и другихъ производительныхъ предпріятій, утилизовавшихъ и развивавшихъ національныя богатства. Поэтому Германіи было во многихъ отношеніяхъ легче оправиться отъ послѣдствій дурнаго благосостоянія, порожденнаго контрибуціей, чѣмъ Японіи.

Германія могла, какъ можетъ и теперь, защищать свою промышлен-

ность тарифами и обеспечивать ей этимъ правильный ростъ. Японія же лишена была этого права на нѣсколько лѣтъ, благодаря противодѣйствию другихъ націй во время пересмотра договоровъ. Отсутствие тарифной автономіи задерживало правильный и равномерный ростъ ресурсовъ Японіи и содѣйствовало ввозу изъ за границы сырыхъ матеріаловъ для нуждъ различныхъ промышленныхъ предпріятій. И это дѣлалось нерѣдко и въ тѣхъ случаяхъ, когда сырье можно было достать и дома. Это доказываетъ, до какой степени старую Японію старались втиснуть въ рамки новыхъ законовъ. Когда вводилось муниципальное управленіе и издавались новые законы, то реформаторы составляли округа примѣнительно къ новымъ законамъ, вовсе не стараясь приспособить законы къ существующимъ условіямъ. Благодаря отсутствію тарифной автономіи и вытекавшей изъ нея невозможности покровительствовать своей промышленности, Японія вынуждена была покупать сырье за границей. А это, разумѣется, должно было вести къ отливу денегъ изъ страны.

Мнѣ кажется, что положеніе Японіи играетъ настолько важную роль для сохраненія равновѣсія на Дальнемъ Востокѣ, что великія державы должны были бы согласиться на исправленіе пересмотрѣнныхъ договоровъ и даровать Японіи право защищать свою промышленность. Этимъ они дали бы Японіи возможность поставить свою торговлю на прочный базисъ. Благодаря усиленному ввозу, вызванному войной, и невозможности измѣнить тарифныя ставки, торговый балансъ въ теченіе многихъ лѣтъ былъ неблагопріятенъ Японіи. Такъ, первоначальное несовершенство японскихъ финансовъ, быстрая европеизація страны и неизбѣжно съ ней связанныя расходы, дѣловая горячка, охватившая страну послѣ побѣдоносной войны, невозможность оградить нашу промышленность отъ иностранной конкуренціи и много другихъ причинъ, о которыхъ мы вскользь упомянули, обусловили собой финансовое угнетеніе 1900 года.

Я не буду, однако, останавливаться на его деталяхъ и, показавши его причины, попытаюсь набросать планъ прочнаго улучшенія финансовъ. Для прочности японскаго прогресса иностранные капиталы безусловно необходимы. Такіе капиталы могутъ быть получены или въ видѣ вкладовъ въ японскія предпріятія, или въ видѣ займовъ, заключенныхъ правительствомъ за границею. Последнее опасно тѣмъ, что полученныя такимъ способомъ деньги могутъ быть израсходованы безъ всякой существенной пользы для Японіи и японской промышленности. Можно опасаться и того, что крупныя займы приведутъ къ такимъ же послѣдствіямъ, какъ и полученіе контрибуціи. Мнѣ кажется, трудно было бы сдѣлать крупный иностранный заемъ, просто опираясь на кредитъ страны, ибо къ Японіи, въ смыслѣ помѣщенія капиталовъ, относятся съ значительнымъ недовѣріемъ. Я предложилъ бы націонализировать желѣзныя дороги Японіи, уплативъ нынѣшнимъ акціонерамъ государственными облигаціями. Имѣя націонализированныя желѣзныя дороги въ качествѣ обезпеченія, мы легко могли бы занять деньги за границею. И если представить иностранцамъ подробныя данныя о доходности желѣзныхъ дорогъ, они навѣрное признаютъ это обезпеченіе надежнымъ, и мы сможемъ добиться выгодныхъ условій. Деньги, полученныя отъ займа, должны пойти на выкупъ правительственныхъ облигацій, выданныхъ акціонерамъ при націонализаціи. Такимъ путемъ заемъ оплатить долгъ по обезпеченію, на основаніи котораго

заемъ будетъ заключенъ. Но самымъ цѣннымъ результатомъ постепеннаго выкупа облигацій будетъ то, что по странѣ разойдется большое количество денегъ мелкими суммами, которыя очень легко будетъ помѣстить въ отечественныя предпріятія; а это поднимаетъ ресурсы Японіи на значительную высоту. Этотъ способъ утилизаціи займа удержитъ деньги въ странѣ, чего обыкновенные не достигаютъ.

Необходимо также ввести экономію во всѣ отрасли управленія. Теперь положительно замѣчается тенденція къ расточительности въ веденіи государственныхъ предпріятій. Эта расточительность порождена главнымъ образомъ поспѣшностью, съ которой предпріятія стремились къ расширенію. Та же экономія необходима и въ частныхъ дѣлахъ, которыя, къ тому же, страдаютъ отъ недостатка единенія и взаимнаго довѣрія.

Принявъ въ соображеніе всѣ обстоятельства, нельзя, однако, сказать, чтобы финансовое положеніе Японіи было непрочно. До войны съ Китаемъ національное богатство Японіи составляло, вѣроятно, 50.000.000 фунтовъ стерлинговъ, теперь же оно равняется 150.000.000, не считая притома непроизводительныхъ предпріятій. Послѣ войны цѣнность производительныхъ предпріятій возросла, по крайней мѣрѣ, втрое. Въ смыслѣ имущества Японія теперь представляетъ собой нѣчто гораздо болѣе цѣнное, чѣмъ когда бы то ни было прежде, а если это такъ и если вышеуказанныя обстоятельства станутъ извѣстны дѣловому міру, то Японія сможетъ заключать выгодные займы подъ свои производительныя предпріятія или, по крайней мѣрѣ, подъ нѣкоторыя изъ нихъ.

II. Финансовыя и экономическія задачи.

Графа Инуйе.

Промышленность необходимо двигать впередъ, и всякій шагъ въ этомъ направленіи заслуживаетъ самаго горячаго одобренія. Но ее необходимо развивать систематически. Относительно желѣзныхъ дорогъ я, на основаніи многихъ изслѣдованій, могу сказать, что въ послѣдніе годы даже линіи, сооруженныя съ наименьшими затрудненіями, требовали до 20% ввозныхъ матеріаловъ. А если взять во вниманіе всѣ желѣзныя дороги, то 35—40% будетъ ближе къ истинѣ. Принявъ, за среднюю, цифру 35%, мы видимъ, что въ Японіи ни одна желѣзная дорога не можетъ быть построена безъ значительнаго отлива золота за границу. Сколько лѣтъ должно пройти, пока оно вернется въ страну? Десяти или двадцати лѣтъ врядъ ли достаточно для этого. Ткацкія фабрики выписываютъ 70—80% необходимыхъ матеріаловъ изъ-за границы. Эта цифра на первый взглядъ кажется колоссальной, но въ этомъ случаѣ деньги возвращаются въ Японію несравненно скорѣе, чѣмъ въ другихъ. Именно по этой причинѣ я и старался спасти ткацкія заведенія отъ раззоренія:—интересы грядущаго экономическаго благосостоянія слишкомъ тѣсно связаны съ ихъ процвѣтаніемъ. Они способствовали значительному сокращенію ввоза пряжи. Въ 1889 году пряжи ввозилось на 120—130 милліоновъ іенъ, въ 1893 г. эта цифра упала до 7.284.243 іенъ, а въ 1901 до 4.870.000 іенъ. Сперва мы получали грубую пряжу изъ Индіи и тонкую изъ Англіи. Теперь первая совсѣмъ не импортируется, и на рынокъ поступаетъ только

вторая, а такъ какъ въ Осаки и Токио теперь имѣются фабрики для выдѣлки такъ называемой „газу-ито“, то слѣдуетъ ожидать сокращенія ввоза до минимума. Словомъ, развитіе ткацкой промышленности до нѣкоторой степени задержало отливъ золота изъ страны и содѣйствовало приливу денегъ изъ Китая. Я хочу обратить вниманіе на постепенное увеличеніе числа шерстяныхъ и полотняныхъ фабрикъ, способствовавшее сокращенію ввоза этихъ товаровъ и уменьшенію отлива денегъ изъ страны. Поощреніе фабрикъ, производящихъ товары, конкурирующіе съ предметами иностраннаго ввоза, положительно необходимо.

Японія непременно должна придумать средство, которое сдѣлало бы ее независимой въ промышленномъ и экономическомъ отношеніи. Пока этого не будетъ, отливъ золота не прекратится. Японскій банкъ или законодательство могутъ прибѣгать къ палліативамъ для прекращенія этого зла, но дѣйствіе такихъ средствъ окажется временнымъ. Исслѣдованія, предпринятые мною, привели меня къ выводу, что промышленныя заведенія, которыя можно было бы эксплуатировать въ Японіи съ выгодой, представляютъ цѣнность приблизительно въ 51.000.000 іенъ. Но какъ ихъ организовать? Проценты у насъ высоки, а капиталы достать нелегко. Нѣкоторыя отрасли промышленности врядъ ли можно эксплуатировать съ выгодой иначе, какъ въ мелкихъ размѣрахъ, либо путемъ соединенія капиталовъ; другія же, построенныя въ крупномъ масштабѣ, много теряютъ отъ иностранной конкуренціи. По нынѣ существующимъ обычаямъ правительство, имѣя надобность въ одѣялахъ, полотнѣ и другихъ предметахъ, публикуетъ объ открытіи торговъ; подрядчики, принимающіе въ нихъ участіе, нерѣдко позволяютъ себѣ крупныя злоупотребленія. Если требуются предметы домашняго издѣлія, то еще можно какъ-нибудь поправить дѣло, но когда нужны предметы, требующіе особыхъ способовъ производства, слѣдовало бы давать поставщикамъ концессіи на продолжительный срокъ, скажемъ на пять или десять лѣтъ. Такія концессіи косвеннымъ образомъ способствовали бы развитію промышленности. Безъ подобныхъ льготъ никакая промышленность, вѣроятно, не могла бы преуспѣвать. Законъ о казенныхъ поставкахъ могъ годиться для того времени, когда онъ былъ изданъ, но измѣнившіяся обстоятельства требуютъ и въ немъ перемѣнъ. Въ настоящей своей формѣ онъ является, въ сущности, средствомъ поощренія ввоза товаровъ изъ-за границы. Пятьдесятъ милліоновъ іенъ въ годъ можно было бы гарантировать отечественнымъ предпріятіямъ. Даже и половина этой суммы могла бы значительно ослабить отливъ золота за границу. Это соображеніе побуждаетъ меня настаивать на необходимости поднять промышленность. Было бы даже цѣлесообразно приостановить на два-три года постройку желѣзныхъ дорогъ въ виду того, что правительство, основавъ въ Вакаматсу чугунолитейный заводъ съ затратою 14.000.000 іенъ золотомъ (помимо огромныхъ затратъ на устройство портовъ), скоро сможетъ поставлять рельсы въ потребномъ количествѣ. Неудобства приостановки на нѣсколько лѣтъ нѣкоторыхъ желѣзнодорожныхъ предпріятій не будутъ, я увѣренъ, такъ велики, чтобы изъ-за нихъ слѣдовало отказаться отъ возможности пользоваться рельсами отечественнаго производства. Необходимо также положить конецъ спекуляціи въ желѣзнодорожныхъ и т. п. предпріятіяхъ, а этого скорѣе всего можно достигнуть, ограничивъ капиталистовъ и предпринимателей въ возможности помѣщать деньги въ спекуляторскія пред-

пріятія; законы и постановленія здѣсь, въ сущности, безсильны. Общая сумма вывоза и ввоза, съ 1-го по 31-й годъ Мейджи, показываетъ излишекъ въ 225.960.000 іенъ въ пользу послѣдняго. Слѣдовательно, на такую сумму ушло изъ страны звонкой монеты. Въ отвѣтъ на это замѣчаніе мнѣ могутъ напомнить о китайской контрибуціи въ 350.000.000 іенъ и о другихъ суммахъ, въ общемъ составляющихъ приблизительно 365.000.000 іенъ. Изъ этой суммы были сдѣланы пріобрѣтенія на расширение арміи и флота и устройство чугунолитейнаго завода; значительныя суммы пошли на спеціальныя расходы и въ общій счетъ 30-го года Мейджи, а также въ счетъ расходовъ по содержанію императорскаго двора. Часть денегъ пошла въ фондъ народнаго образованія, въ запасный фондъ на случай народныхъ бѣдствій, въ фондъ постройки военныхъ судовъ и торпедъ; нѣкоторыя суммы вошли въ счетъ 31-го года Мейджи, а остальное удержано на ликвидацію промышленныхъ обязательствъ.

Наряду съ упорядоченіемъ внутреннихъ условий промышленности необходимо обратить вниманіе на китайскіе рынки. Японскіе дѣльцы играютъ въ Китаѣ очень незначительную роль. И это нужно объяснить не неумѣlostью нашей дипломатіи, но только недостаткомъ предпримчивости въ нашемъ торговомъ сословіи. Наши купцы, торгующіе въ Китаѣ, не заслуживаютъ названія коммерсантовъ; обороты ихъ прямо мизерны. Въ Англіи частная инициатива идетъ впереди правительственнаго содѣйствія: дѣльцы или корпораціи въ родѣ Гонконгскаго или Шанхайскаго банка, или Китайскаго Союза, или Джердайнъ, Матесонъ и К^о, дѣлаютъ правительству представленія, въ которыхъ просятъ о предоставленіи желѣзнодорожныхъ и горныхъ концессій и т. п. Тогда англійское правительство даетъ предписаніе своимъ представителямъ въ Пекинѣ вступить въ переговоры съ китайскимъ правительствомъ по возбужденному вопросу. Японцы же никогда такихъ представленій не дѣлали. Если Японія желаетъ не отставать отъ другихъ націй, то ея дѣльцы должны проявить больше инициативы.

Прежде было очень распространено мнѣніе, что пересмотръ договоровъ и допущеніе иностранцевъ въ Японію приведутъ къ тому, что иностранцы нахлынутъ въ страну, станутъ скупать землю и заводить промышленныя предпріятія. Но со времени вступленія въ силу пересмотрѣнныхъ договоровъ намъ неизвѣстно ни одного случая покупки земли иностранцами. Ожидали также, что иностранныя деньги хлынутъ въ страну. Въ дѣйствительности случилось совершенно обратное. Деньги на внутреннія нужды пришлось занимать за границей. Послѣдній заемъ заключенъ былъ въ 100.000.000 іенъ, изъ 4 процентовъ годовыхъ. Такимъ образомъ, четыре милліона іенъ, въ видѣ этихъ процентовъ уходитъ за границу, независимо отъ торговаго балланса. Кромѣ того, имѣются еще консоли и военныя облигаціи, проценты по которымъ составляютъ не менѣе 6.000.000 іенъ, также уходящихъ изъ страны. Несмотря на все это, находятся лица (и такихъ большинство), враждебно относящіеся къ „чужестраннымъ“ землевладѣльцамъ и акціонерамъ, якобы наносящимъ ущербъ интересамъ страны. Косность японцевъ помѣшала иностранцамъ вложить свои капиталы въ промышленныя предпріятія, которыя они не считали достаточно прочными; неохота, съ которою они помѣщали свои капиталы въ Японію, повидимому, имѣла основаніемъ то обстоятельство, что они здѣсь не могли пріобрѣсти полнаго права собственности на землю. Поэтому въ на-